

Международный Аспект

ВЫПУСК №4(14)
ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2023

International

VOL 4 NO. 4(14)
OCTOBER-DECEMBER 2023

Aspect

КОЛОНИЗАЦИЯ И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Куба и Народное движение
за освобождение Анголы:
невоенные аспекты сотрудничества
Мызин Федор Олегович

• 18

Роль Растафарианского движения
в деколонизации Ямайки
Белоконь Кирилл

• 4

Ключевые аспекты сотрудничества Ирана
и стран Африки
*Грачева Алиса Максимовна, Круглов Ярослав Алексеевич,
Паппинен Иван Евгеньевич, Шамраев Роман Алексеевич*

• 47

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues quarterly
Vol. 4, No. 4(14), 2023

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально
Том 4, Выпуск 4 (14), 2023

Индексируется в РИНЦ

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

история международных отношений

**Роль Растафарианского движения
в деколонизации Ямайки**
Белоконь Кирилл

**Куба и Народное движение
за освобождение Анголы:
невоенные аспекты сотрудничества**
Мызин Федор Олегович

**Образы модернизации в работах
идеологов Исламской революции**
Савин Михаил Игоревич

современные международные отношения

**Ключевые аспекты сотрудничества
Ирана и стран Африки**
*Грачева Алиса Максимовна,
Круглов Ярослав Алексеевич,
Паппинен Иван Евгеньевич,
Шамраев Роман Алексеевич*

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Елена Бурдина

Заместитель главного
редактора
Кирилл Ноздря

Редакторы
Алина Севостьянова
Варвара Кеня
Елена Бурдина
Кирилл Вошинский
Кирилл Ноздря
Марта Стучкайте
Равиль Шигапов
Самира Раджабова
Сергей Матюшкин
София Беломытцева

Ответственный
редактор выпуска
Самира Раджабова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович
Истомин, к.полит.н.

• 4

• 18

• 29

• 47

Для связи с редакцией: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

Contents

history of international relations

The Rastafarian movement's Role in the Decolonization of Jamaica

Kirill Belokon

Cuba and the People's Movement for the Liberation of Angola: Non-Military Aspects of Cooperation

Fyodor O. Myzin

Images of Modernization in the Works of the Ideologists of the Islamic Revolution

Mikhail I. Savin

contemporary international relations

Key Aspects of Cooperation Between Iran and African States

*Alisa M. Gracheva,
Yaroslav A. Kruglov,
Ivan E. Pappinen,
Roman A. Shamraev*

EDITORS

Chief Editor
Elena Burdina

Deputy Chief Editor
Kirill Nozdria

Editors
Alina Sevostyanova
Elena Burdina
Kirill Nozdria
Kirill Voshchinsky
Marta Stuchkajte
Ravil Shigapov
Samira Radzhabova
Sergei Matyushkin
Sofia Belomytseva
Varvara Kenya

Managing Editor of the
issue
Samira Radzhabova

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial
Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History
Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Contact the editorial via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Роль Растафарианского движения в деколонизации Ямайки

Белоконь Кирилл

Российский государственный гуманитарный университет
Бакалавриат, 3 курс

РЕЗЮМЕ

В данной статье представлен анализ деятельности растафарианской общины в контексте активно шедших деколонизационных процессов на Ямайке. Для достижения поставленной цели – оценки роли растафарианской общины в деколонизации Ямайки – были поставлены задачи, связанные с анализом идеологической базы растафари, изучением роли духовных лидеров этой религиозной конфессии в ямайской позднеколонIALной политике, а также оценкой влияния растафарианских идей на постколониальном пространстве. Научная новизна данной работы заключается в рассмотрении растафарианского движения не только как негосударственного актора международных отношений, но и как активного участника деколонизации. В ходе исследования поставленная гипотеза о растафарианском влиянии на разрыв Ямайки с британской метрополией была доказана путём исследования деятельности растафари как с помощью источников, оставленных духовными лидерами данного движения, так и с помощью научных работ по данной теме, которые позволили подтвердить крайне негативную и в чём-то весьма резкую реакцию на данную конфессию британских колониальных властей. Движение

растафари за короткий срок сумело пережить множество метаморфоз, связанных с необходимостью адаптироваться под быстро менявшиеся условия позднеколонIALной Ямайки. Фактически, данное движение, славящее императора Эфиопии и стремящееся к радикальной деколонизации и удовлетворению панафриканских устремлений, сыграло роль важного антипода умеренным сторонникам деколонизации в лице Нормана Мэнли и Александра Бустаманте, профсоюзных лидеров, стремившихся сохранить как Вестминстерскую систему, так и дружественные отношения между Лондоном и Кингстоном. Растафарианцы же, желавшие кардинального изменения ямайской внутренней и внешней политики, под влиянием репрессивных мер колониальной администрации пережили серьёзную радикализацию, которая рисковала обернуться либо гражданской войной, либо множественными насильственными акциями против британцев. Дальнейшее развитие в постколониальном мире растафарианской общины позволило ей отказаться от доктрины чёрного супрематизма и радикализма, сфокусировавшись на панафриканизме и мирном влиянии на правительства Африки и Карибского региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ямайка; растафарианство; деколонизация; панафриканизм; гарвеизм.

The Rastafarian movement's Role in the Decolonization of Jamaica

Kirill Belokon

Russian State University for the Humanities

3rd Year

ABSTRACT

This article presents an analysis of the actions of the Rastafarian community in the context of the ongoing decolonization processes in Jamaica. To achieve the goal of this research - to analyze the role of the Rastafarian community in the decolonization of Jamaica - tasks were set related to the analysis of the ideological base of the Rastafari, the study of the role of the spiritual leaders of this religious group in Jamaican late colonial politics, as well as the assessment of the influence of Rastafarian ideas in the post-colonial space. The scientific novelty of this work lies in the consideration of the Rastafarian movement not only as a non-state actor in international relations, but also as an active participant in decolonization. In the course of the study, the hypothesis posed about the Rastafarian influence on Jamaica's break with the British Empire was proved by studying the actions of the Rastafari, both with the help of sources left by the spiritual leaders of this movement, and with the help of studies that made it possible to confirm an extremely negative and, in some ways, very sharp reaction to this denomination of the British colonial authorities.

The Rastafari movement in a short time managed to survive many metamorphoses associated with the need to adapt to the rapidly changing conditions of late colonial Jamaica. In fact, this movement, which glorifies the emperor of Ethiopia and seeks radical decolonization and the satisfaction of pan-African aspirations, played the role of an important antipode to the moderate supporters of decolonization in the person of Norman Manley and Alexander Bustamante, trade union leaders who sought to preserve both the Westminster system and friendly relations between London and Kingston. The Rastafarians, on the other hand, who wanted a radical change in Jamaican domestic and foreign policy, under the influence of the repressive measures of the colonial administration, experienced serious radicalization, which risked turning into either a civil war or multiple violent actions against the British. The further development of the Rastafarian community in the post-colonial world allowed it to abandon the doctrine of black supremacism and radicalism, focusing on Pan-Africanism and peaceful influence on the governments of Africa and the Caribbean.

KEYWORDS

Jamaica; Rastafari; decolonization; Pan-Africanism; Garveyism.

Contact the author via mrkirill23@yandex.ru.

Итоги Второй мировой войны – самой разрушительной из всех войн, которые когда-либо велись в истории – сделали возможным запуск процесса деколонизации в имперских колониях. Страны Азии, Африки и Карибского бассейна заявили о себе как о независимых от метрополий государствах, которые стремились к подтверждению собственной субъектности на международной арене. В процессе ликвидации колониальных империй приняло участие множество различных стран, однако вместе с тем многие негосударственные акторы международных отношений сыграли немаловажную роль в обретении странами независимости. Одним из пластов таких негосударственных акторов деколонизации были религиозные общины, ставшие в некоторых странах движущей силой борьбы за независимость. В их число входила и растафарианская община, чья роль в деколонизации Ямайки значительна.

Целью данной работы является исследование влияния растафарианской общины на процесс освобождения Ямайки от колониальной зависимости, а также изучение формирования внутригосударственных ямайских нарративов и их проекции на внешнюю политику бывшей колонии. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать социально-политический контекст растафарианской веры;
2. Исследовать факт участия растафарианской общины в антиколониальных выступлениях, а также реакцию колониальных властей на антиправительственные действия со стороны растафари;
3. Проследить дальнейшее влия-

ние растафарианства на формирование постколониального нарратива Ямайки, а также стран Африки, где наблюдалось увеличение популярности растафарианства во второй половине XX в.

Актуальность данной темы объясняется выбором в качестве объекта исследования негосударственного актора, а именно религиозной общины в качестве участника движения за независимость, а также появление на африканском континенте центростремительных panaфриканских интеграционных процессов, которые на данный момент нашли своё отражение в проекте Восточноафриканской федерации. Учитывая важность общей культурной базы для интеграционных процессов^[1], изучение растафарианства позволяет выделить потенциальную культурную основу, которая могла бы быть использована как «культурный фактор» в интеграционном процессе. Тем самым, растафарианство, включающее в себя сильный panaфриканский нарратив, представляет особый интерес как попытка осмысления panaфриканских идей чернокожими жителями Африки и Карибских островов.

Новизна исследования заключается в рассмотрении растафарианской религиозной общины не просто как негосударственного актора международных отношений, но и как непосредственного участника деколонизационных процессов. В ходе исследования были применены методы дискурс-анализа Ш. Мууф и Э. Лакло, структурно-функциональный метод исследования ямайского общества как социальной системы, имеющей множество взаимодействующих между собой элементов.

[1] Беляева Е.Е. Культурная политика как основа интеграции в Европейском Союзе / Е.Е. Беляева. — Фундаментальная наука вузам. — 2011. — №1. — С. 354.

Работа ведётся с позиций конструктивистской теории международных отношений, одним из авторов которой является Александр Вендт, чьи труды также были использованы в работе для создания теоретического фундамента^[1]. Теория одинаково учитывает как идеологический, так и материальный факторы в планировании и реализации внешней политики разных государств. Положения реалистической или неореалистической теории не являются релевантными для данного исследования, так как в случае употребления вышеуказанных теория международных отношений идеологические установки лидеров растафарианской общины и влияние растафарианского нарратива не будут учтены как важные факторы деколонизации и ямайской внешней политики ввиду невозможности их рассмотрения как самостоятельных факторов, влияющих на принятие внешнеполитических решений той или иной страной.

Стоит заметить, что в современной российской науке растафарианству не было уделено должного внимания, что создало лакуну в вопросе изучения данной религиозной общины. Тем не менее центральную роль в исследовании сыграла книга одного из немногих известных специалистов по растафарианству Н.А. Сосновского «Культура растафари»^[2]. Данный труд примечателен исчерпывающим анализом истории растафарианства, а также его практик и дальнейших метаморфоз из афро-христианского синкретического культа в явление массовой культуры и самостоятельную религию. Однако труду Сосновского, при всех его достоинствах, не достаёт важных данных о конкретных действиях растафарианской общины в первый период её существования

как афро-христианской секты. Данный пробел был заполнен трудами Э.Б. Эдмондса «Растафари: очень краткое вступление», Х. Ли «Первый раста: Леонард Хауэлл и расцвет растафарианства» и Д.А. Данкли «Подавление Леонарда Хауэлла в поздней колониальной Ямайке 1932-1954 гг.». Данные англоязычные труды, пусть и не включают в себя серьёзный культурологический анализ, который присущ книгам Н.А. Сосновского, позволяют рассмотреть растафарианство с социально-политической стороны и рассмотреть конкретные действия, совершённые общиной в ходе борьбы за независимость Ямайки. Однако в данных работах описания этих самых конкретных действий преподнесены крайне обрывочно, а также самая культурно-религиозная составляющая растафарианства преподнесена поверхностно, вследствие чего потребовалось привлечение дополнительных научных материалов.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что растафарианская община не только внесла свой вклад в антиколониальную борьбу Ямайки, но также и повлияла на дальнейшее развитие острова и формирование самостоятельной национальной идентичности, при этом существенно расширив собственное влияние на другие страны.

ИСТОКИ РАСТАФАРИАНСКОЙ ОБЩИНЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ РАСТАФАРИАНСТВА

Как движение растафарианство имеет глубокие корни в идеях, которые проповедовал Маркус Гарви, известный деятель панафриканизма

[1] Wendt A. Social Theory of International Politics. — Cambridge University Press, 1999. — 447 с.

[2] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — 300 с.

начала XX в. Николай Сосновский, однако, пишет: «Хотя неизменно указывается на роль «героя-основателя» растафари М. Гарви, но упускается из вида, что основным в деятельности Гарви была именно вульгаризация и популяризация идеологии панафриканизма и культурного национализма, её доведение до массового сознания».^[1] Иными словами, Маркус Гарви, именуемый в растафарианской общине не иначе как пророком, прежде всего рассматривал панафриканские идеи времён «Золотого века панафриканизма».

Основными положениями в идеях Гарви, которые в дальнейшем заложили основу растафарианской идеологии, стали эфиопианизм^[2] и «интеллектуальное почвенничество». Первый термин, тесно связанный с иной трактовкой определения понятия «Святая земля» в Библии как Африки (или Эфиопии, как порою называли целый континент), подразумевал собой возвращение Африкой свободы и полной независимости от «белой цивилизации». «Это всего лишь вопрос еще нескольких лет, когда Африка будет полностью колонизирована неграми, как Европа — белой расой. Чего мы хотим, так это независимой африканской национальности, и если Америка поможет негритянским народам мира создать такую национальность, то мы приветствуем эту помощь. Есть надежда, что, когда придёт время американским и вест-индским неграм поселиться в Африке, они осознают свою ответственность и свой долг. Не будут ехать в Африку с целью осуществления господства над нацией», — писал Маркус

Гарви в своей газете “Negro World”^[3]. Анализируя написанное Маркусом Гарви, можно увидеть призыв к формированию единой национальной идентичности и достижению свободы через «колонизацию Африки», при этом допуская возвращение домой многих жителей карибского и американского регионов. Данные призывы также крайне тесно связаны с другим раскрываемым в рамках изучения гарвеизма и растафарианства понятия — «Интеллектуального почвенничества». Данный термин был введён Н.А. Сосновским в труде «Культура растафари» для характеристики реакции чернокожих на принудительную аккультурацию.^[4] В этот термин входит призыв к поиску своих африканских корней к жителям Америки и Карибов, отказ от самоидентификации себя с народами, что когда-то брали их в рабство, а также призыв к «внутренней деколонизации», пробуждению гордости за свою культуру. «Перед лицом явного отставания своего общества претензии на исключительность подкрепляются ссылками на действительное или дофантазированное величие в прошлом. Истинность этих представлений не столь важна, так как их назначение совсем иное, а историческое сознание нации имеет мало общего с научным знанием», — пишет Н.А. Сосновский, характеризуя данный термин.^[5]

Растафарианская религия, однако, расширяет гарвеистский социально-политический дискурс, связанный с деколонизацией, формированием новой национальной идентичности, объединением Африки и, что немаловажно, чёрным супрематизмом.

[1] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — С. 26.

[2] Edmonds E.B. Rastafari: A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2012. — С.28.

[3] Jacques-Garvey A. The Philosophy and Opinions of Marcus Garvey. — Macmillan Publishing Company, 1986. — С. 70.

[4] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — С. 11.

[5] Там же. С.14.

Важнейшей чертой, которая отличает растафарианский культ от иных организаций, созданных под влиянием речей Гарви, является сакрализация националистической историографии^[1]. Этот термин включает в себя как рассмотрение «общеафриканского славного прошлого» и избранной роли чернокожих, так и сакрализацию конкретного человека – императора Эфиопии Хайле Селассие (правившего в 1930-1974 годах). Именно поэтому ряд исследователей считает 1930 г. датой появления религии растафари как мессианского культа, сформировавшегося после легендарного предсказания Маркуса Гарви: «Ищите в Африке коронуемого чёрного короля, он станет искупителем»^[2]. После известий о коронации в Эфиопии Хайле Селассие вокруг фигуры императора сразу же сформировалась группа людей, видевших его как мессию, спасителя чернокожих от ига белых колонизаторов. Практически сразу после формирования культа появились духовные лидеры растафари в лице Леонарда Хауэлла, Роберта Хиндса и Джозефа Хибберта, в своё время бывших яркими сторонниками гарвеизма. Изначально идя в фарватере идей Гарви, растафари к 1937 г. окончательно оборвали свои связи с тем, кого позже назовут пророком. Во многом это связывают с личными разногласиями Хауэлла и Гарви, так как последний, узнав о том, что Хайле Селассие покинул Эфиопию после начала войны с Италией, назвал императора «трусом»^[3], хотя конфликты происходили и раньше. Так, например, Гарви выгнал Леонарда Хауэлла

из своей штаб-квартиры в 1933 г., когда узнал, что последний распространял портреты императора среди гарвеистов.^[4]

Подводя краткий итог исследованиям истоков растафарианской общины и социально-политического подтекста растафарианства, следует заметить, что данная религия сформировалась под серьёзным влиянием panaфриканских идей Маркуса Гарви, который, в свою очередь, опирался на работы деятелей «Золотого века panaфриканизма» (в частности, на работы Эдварда Блайдена). Тем не менее в результате расхождения между Маркусом Гарви и одним из первых духовных лидеров растафарианской общины Леонардом Хауэллом растафари окончательно порвали с движением Гарви, однако «гарвеистский» социально-политический характер движения, связанный с чёрным супрематизмом, panaфриканизмом и антиколониальной риторикой сохранился, о чём свидетельствуют многочисленные речи Леонарда Хауэлла^[5], именуемого не иначе как «первый раста».

РОЛЬ РАСТАФАРИ В АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ НА ЯМАЙКЕ

В исследовании истории растафарианского движения остались значительные лакуны, связанные с участием этой религиозной общины в антиколониальной борьбе на о. Ямайка. Однако существует множество свидетельств тому, что ямайские растафари тем или иным способом противостояли британской колони-

[1] Там же. С.24.

[2] Waters A.M. Race, Class, and Political Symbols Rastafari and Reggae in Jamaican Politics. — Taylor & Francis., 1985. — С.51.

[3] Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954. — New West Indian Guide, 2013. — С.64.

[4] White T. Catch a Fire. The Life of Bob Marley. — Oninibus Press, 1991. — С.8.

[5] Lee H. The First Rasta: Leonard Howell and the Rise of Rastafarianism. — Lawrence Hill Books. — 2004. — С. 63.

альной администрации. Прежде всего, стоит поговорить о том, какой дискурс формировали в обществе растафарианские проповедники. Для этого следует подробнее остановиться на личности «первого раста», Леонарда Хауэлла.

Этот человек, известный как первый духовный лидер растафарианской общины, отличался очень резкой и серьёзной антиколониальной риторикой. Противостояния с колониальной администрацией у Хауэлла начались в ещё в 1933 г. после доносов на него со стороны ямайских плантаторов. В проповедях «первый раста» говорил следующее: «Рас Тафари (имя Хайле Селассие до его коронации и крещения – прим. автора) – царь царей, владыка владык. Чёрные люди больше не будут смотреть на Георга Пятого (sic): «Рас Тафари – их король!»^[1]. В дальнейшем Хауэлл продолжал свою деятельность, не только продавая портреты Хайле Селассие перед одной из церквей Кингстона, в которых ходил Маркус Гарви, но также и продолжая проповедовать: «Я здесь, чтобы проинформировать вас, что флаг короля Георга – больше не ваш флаг. Ваш флаг – эфиопский: зелёно-жёлто-красный флаг, одеяние Девы Марии, вот ваш флаг!»^[2]. Подобные действия растафарианского проповедника обратили против него не только гарвеистов, но и колониальные власти, которые потребовали полицейского наблюдения за Хауэллом.^[3]

Активная пропаганда «первым раста» отказа платить налоги колониальным властям и призыв признать

их нелегитимными также серьёзно беспокоили колониальные власти, что побудило их искать повод для прекращения деятельности Хауэлла.^[4]

В дальнейшем, уже в 1934 г. Хауэлла арестовали и приговорили к двум годам лишения свободы. За это время, находясь в тюрьме, он написал свой труд, ставший важной частью растафарианской религии – «Ключ Обетованный». В данном труде Хауэлл подтверждает все свои тезисы, связанные с противостоянием «англо-саксонскому королю»^[5], требуя также от людей клятвы верности «Королю Альфа и Королеве Омеге», подразумевая под ними императора Хайле Селассие I и его жену Асфу Менен. Несмотря на арест Хауэлла и уверения колониальных властей, что община растафари после лишения своего духовного лидера прекратит своё существование, религиозное учение «первого раста» продолжало развиваться. Это подтверждают письма-жалобы, написанные деятелями колониальной администрации в Лондон. Так, например, колониальный администратор Уолли писал в Лондон, что правительство Ямайки оказалось неспособным справиться с «эфиопской угрозой» и что Леонард Хауэлл своим учением поощрял свою паству не считать себя подданными Великобритании^[6].

К моменту освобождения Хауэлла из тюрьмы в 1936 г. на Ямайке социально-политическая ситуация привела к значительному конфликту между сильными на острове профсоюзами и колониальной администрацией. Учение растафари, тем временем, всё

[1] Там же. С. 67.

[2] Там же. С. 68.

[3] Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954. // New West Indian Guide. — 2013. — №87. — С. 77.

[4] Edmonds E.B. Rastafari: A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2012. — С.30.

[5] Howell L.P. The Promised Key: The Sublime Essence of Rastafari // CreateSpace Independent Publishing Platform. — 2014. — P. 23.

[6] Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954. // New West Indian Guide. — 2013. — №87. — С. 79.

сильнее распространялось в крестьянской среде и среди низших городских слоёв населения, что позволило Хауэллу начать влиять на политику острова и играть на расовых противоречиях между островной беднотой и профсоюзными лидерами, которые в большинстве своём не были темнокожими, в отличие от нищего крестьянства, серьёзно поддержавшего движение растафари. Противоречия между сельской беднотой и рабочим классом, лидеры которого в большинстве своём не были чёрными, а имели английское и креольское происхождение, побудило Александра Бустаманте, одного из сильнейших профсоюзных лидеров и борца за права рабочих, требовать от колониальных властей прекращения всяческой деятельности Хауэлла.^[1]

Важнейшим отличием Бустаманте от Хауэлла были продвигаемые ими нарративы. Если Хауэлл выступал за чёрный национализм и поиск африканских корней с полным демонтажом колониальной системы, то Бустаманте выступал за деколонизацию и формирование государства на основе Вестминстерской системы. В дальнейшем исследователи называли риторику Бустаманте «креольским национализмом», чтобы противопоставить это чёрному супрематизму ранних растафари.^[2] Конфликт привёл к тому, что на поселение, основанное Хауэллом для его паствы, дважды устраивали рейды полицейские отряды, а сам Хауэлл стал поддерживать оппозиционную Бустаманте партию, возглавляемую Норманом Мэнли, который в своё время также нелестно отзывался о растафарианском движе-

нии^[3]. Стоит заметить, что для растафари занятие политикой было делом греховным и порицаемым^[4], однако «первый раста» стремился использовать все возможные способы для укрепления своих позиций. Формирование образа Леонарда Хауэлла как защитника неимущих слоёв населения серьёзно беспокоило колониальную власть, продолжавшую вести серьёзную агитационную кампанию против растафари, которую поддерживали как профсоюзные лидеры, так и островные СМИ.

С 1938 г. течение последующих 20 лет с краткими перерывами, на фоне нарастающего давления со стороны властей, растафарианская община использовала совсем иную форму ненасильственной борьбы в виде создания самодостаточной общины Пиннэкл, которой руководил Хауэлл. Оттуда «первый раста» призывал голосовать за партию Мэнли, там же он продолжал свою антиколониальную агитацию и выращивал священную для растафари коноплю. Однако колониальные власти Ямайки предприняли несколько рейдов на Пиннэкл, в ходе последнего из которых, в 1958 г., община была сожжена дотла. Однако данные события не помешали растафарианской общине распространять своё влияние^[5], а, напротив, привели к отъезду бывших жителей Пиннэкл в Кингстон и росту числа и, что самое главное, градуса радикализма среди раста. К тому моменту Леонард Хауэлл вследствие потери авторитета постепенно отходит от дел, а одним из виднейших лидеров растафари становится проповедник Клодис Генри.

[1] Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954. // New West Indian Guide. — 2013. — №87. — С. 81.

[2] Там же. С. 90.

[3] Edmonds E.B. Rastafari: A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2012. — С. 37.

[4] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — С. 82.

[5] Lee H. The First Rasta: Leonard Howell and the Rise of Rastafarianism. — Lawrence Hill Books, 2004. — С. 18.

В период роста авторитета проповедника Генри (конец 1950-х – начало 1960-х годов) и увеличения популярности растафарианского движения важную роль в определении дальнейшего вектора развития деятельности общины сыграло получение новости о предоставлении императором Хайле Селассие всем «чернокожим жителям Запада» пяти сотен акров эфиопской земли в подарок^[1]. Идеи о духовной деколонизации и поиске своих корней вдали от дома заменило стремление к репатриации в Африке, что серьёзно повлияло на деятельность общины растафари. Если ранее деятельность последователей Хауэлла и других раста была сосредоточена на духовном поиске, то при Клодисе Генри стало возникать всё больше требований к британской колониальной администрации сотрудничать в вопросе репатриации в Африку. Отсутствие прогресса с «возвращением в Африку» и экономические проблемы (рост бедности, увеличение имущественного разрыва между богатыми и бедными) способствовали радикализации общины, переходу к агрессивным методам достижения собственных целей^[2].

В 1960 г. сын Клодиса Генри пытался создать в горах очаг герильи растафари. Из-за засады растафарианских бойцов были убиты полицейские, партизаны же захвачены спящими и приговорены к казни. По многочисленным сообщениям, партизан растафари якобы обучали 20 чёрных боевиков из США. Как сообщала в апреле 1961 г. «Нью-Йорк курьер», в Нью-Йорке будто бы был создан «Первый афри-

канский корпус поддержки растафари»^[3]. Данные сообщения позволяют констатировать тот факт, что к концу деколонизации растафарианская община в значительной степени радикализировалась и стремилась не только к независимости Ямайки, но и к борьбе с существующей правительственной системой. Крайне важной цитатой Клодиса Генри, которая характеризует радикализацию движения звучит так: «У нас нет пулемётов, нет самолётов, но у нас есть кирпичи, камни, бензин и зажигалки. С таким оружием Ямайка останется такой же заброшенной, как кладбище»^[4]. Данные сообщения заставили колониальную администрацию судорожно искать информацию о растафарианском движении, которое они рассматривали как главную угрозу Ямайке^[5].

Британское правительство оказалось на распутье в разгар дискуссий о деколонизации: стоит ли сейчас даровать независимость сторонникам Вестминстерской системы из партии Мэнли-Бустаманте, благосклонных к метрополии, либо же дожидаться эскалации конфликта с растафари до такой степени, что они смогут взять власть путём вооруженного выступления. Метрополия сделала свой выбор в пользу умеренных сторонников независимости.

В ходе исследования деятельности растафари на политическом поле в период получения Ямайкой независимости были сделаны важные выводы о взаимоотношениях между этой религиозной общиной и британской колониальной администрацией.

[1] Dijk F. J., Sociological means: colonial reactions to the radicalization of Rastafari in Jamaica, 1956-1959. // New West Indian Guide. — 1995. — 1/2(69). — С. 76.

[2] Там же. С. 82.

[3] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — С. 82.

[4] Dijk F. J., Sociological means: colonial reactions to the radicalization of Rastafari in Jamaica, 1956-1959. // New West Indian Guide. — 1995. — 1/2(69). — С. 86.

[5] Там же. С. 93.

Прежде всего, эти взаимоотношения носили крайне напряжённый характер, порою вытекавший из антиколониальных проповедей в вооружённое противостояние. Растафарианская община сыграла немаловажную роль как противовеса умеренным сторонникам независимости, так и создателя важного социально-политического нарратива для чернокожего населения острова, который, однако не сумел стать господствующим в существовавших тогда социально-экономических условиях. Учение Хауэлла пусть и серьёзно повлияло на антиколониальную борьбу (особенно в среде сельской и городской бедноты), но проиграло как политическая единица в период окончательной деколонизации, уступив партиям Мэнли и Бустаманте.

ВЛИЯНИЕ ОБЩИНЫ РАСТАФАРИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ МИРЕ

Несмотря на политическое поражение в борьбе за передел ямайской политической системы, община растафари продолжила существовать и существенно расширяться. С ростом популярности музыки жанра регги и приобретением популярности Бобом Марли (1945-1981), известнейшим регги-музыкантом и праведным растафарианцем, а также визитом императора Хайле Селассие на Ямайку в 1966 г., идеи растафари становились всё более популярными не только в Карибском регионе, но и во всём остальном мире, в частности в Африке, где влияние общины приняло характер «бродячей диаспоры»^[1]. Так, в Танзании ямайская диаспора раста-

фари серьёзно повлияла на решение Майкла Мэнли, бывшего в тот момент премьер-министром Ямайки, вести активный диалог с президентом Танзании Джулиусом Ньерере, а затем часть этой самой общины переехала в Танзанию под патронажем президента, продвигая интересы как Ямайки, так и самой общины растафари. Сам Майкл Мэнли пользовался растафарианской благосклонностью, призывая ямайские элиты к терпимости по отношению к данной общине и активно используя растафарианский диалект английского языка, а также растафарианские религиозные символы в своей предвыборной кампании с целью формирования электоральной базы из чёрного большинства Ямайки^[2].

Однако, как пишет исследовательница растафарианской диаспоры Моника Бедассе, растафарианское движение «стало жертвой редукционистских и дезинфицирующих нарративов, которые лишают оппозиционные движения их радикализма. Динамичная и всегда острая критика растафари расизма и капитализма на протяжении всех 1970-е гг. и в последующие годы были скрыты вниманием к растафари как к популярной культуре. Движение было подчинено тем же гегемонистским структурам, которые в своё время заморозили движение Мартина Лютера Кинга»^[3]. Развитие растафарианства под влиянием его популярности обратило религию в продукт массовой культуры. Однако вместе с тем его социально-политический подтекст всё же остался жить. Многие растаманы, вернее, африканцы, считающие себя растаманами, вообще полагают, что растафари – это «антирасистское молодежное движе-

[1] Bedasse M.A. *Jah Kingdom: Rastafarians, Tanzania, and Pan-Africanism in the Age of Decolonization*. — The University of North Carolina Press, 2017. — С. 92.

[2] Price C. *Becoming Rasta: Origins of Rastafari Identity in Jamaica*. — NYU Press, 2009. — С. 95.

[3] Bedasse M.A. *Jah Kingdom: Rastafarians, Tanzania, and Pan-Africanism in the Age of Decolonization*. — The University of North Carolina Press, 2017. — С. 188.

ние, созданное Бобом Марли»^[1].

Растафарианское движение, пережив свой «сектантский период», продолжило действовать в соответствии с идеями panaфриканизма и антиколониализма как в качестве диаспоры конкретной страны, так и в качестве единой международной организации panaфриканского толка (как, например, в случае взаимодействия с президентом Танзании Джулиусом Ньерере), подталкивая кафроцентричной политике и ямайских политиков, вроде Майкла Мэнли. С прошествием времени и ростом популярности регги-музыки растафарианские идеи переживают свой ренессанс как антирасистское движение, лишённое супрематистских идей, которыми оно обладало в период деколонизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования поставленная гипотеза об активном участии растафарианской общины в деколонизации полностью подтвердилась. Формируясь как реакция на аккультурацию чернокожего большинства Ямайки британцами, растафарианская религия сумела вобрать в себя важнейшие идеологемы учения Маркуса Гарви: антиколониализм, panaфриканизм и чёрный супрематизм, совместив это с сакрализованной африканской историографией и культом эфиопского императора Хайле Селассие I. Отдельно стоит отметить удивительную способность общины растафари выживать при самом тяжёлом давлении, оказываемом как колониальными властями, так и креольским населением Ямайки. Вместе с тем деятельность первого лидера растафари Леонарда Хауэлла позволила сплотить вокруг культа неимущие сельские и

городские слои населения, а самому «первому раста» – стать выразителем их позиции и деятелем, формирующим нарратив среди большинства ямайского населения.

Тем не менее серьёзное сопротивление не позволило растафари действовать открыто, вынуждая их постепенно менять свои методы борьбы с добровольную изоляции и отказа от работы на Ямайке до акций политического насилия и планирования переворота с требованием получения Ямайкой независимости от метрополии и единства с Африкой. Реакция колониальных властей на растафарианскую деятельность была однозначно негативной: в отношении духовных лидеров общины проводились репрессии, а новую религию называли не иначе как «эфиопскую угрозу». Однако, находясь на распутье в период активной деколонизации, британские власти приняли решение сотрудничать с умеренными сторонниками независимости, стремившимися к сохранению связей с бывшей метрополией, чтобы не ввязаться в тяжёлую борьбу за удержание колонии с усилившейся герильей растафари. В дальнейшем представителям общины растафари было разрешено репатрироваться в страны Африки, а саму тактику деятельности растафари на континенте стали называть «бродячей диаспорой», говоря об активном влиянии растафарианской общественности на ямайские элиты и их афроцентричную политику.

В дальнейшем растафарианское движение потеряло значительную часть своего национально-освободительного потенциала, однако его представители до сих пор играют важную роль в Африке и на Ямайке, но уже не как представители

[1] Сосновский Н. А. Культура растафари. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — С. 165.

неизвестной религиозной конфессии, восхваляющей иноземного императора, но как элемент массовой культуры и важный инструмент культурной интеграции африканских государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сосновский Н. А. Культура растафари / Н. А. Сосновский. — М.: Институт Африки РАН, 2016. — 300 с.
2. Беляева Е.Е. Культурная политика как основа интеграции в Европейском Союзе / Е.Е. Беляева // Фундаментальная наука вузам — 2011. — №1. — С. 350-354.
3. Bedasse M.A. Jah Kingdom: Rastafarians, Tanzania, and Pan-Africanism in the Age of Decolonization. — The University of North Carolina Press, 2017. — 270 с.
4. Dijk F. J., Sociological means: colonial reactions to the radicalization of Rastafari in Jamaica, 1956-1959. // New West Indian Guide. — 1995. — 1/2(69). — С. 67-101.
5. Doyle C. Rastafarianism & Michael Manley. // Carribean Studies. — 2012. — №2. — С. 107-123.
6. Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954 // New West Indian Guide. — 2013. — №87. — С.62-93.
7. Edmonds E.B. Rastafari: A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2012. — 144 с.
8. Edmonds E.B. Rastafari: From Outcasts to Culture Bearers. — Oxford University Press, 2002. — 208 с.
9. Howell L.P. The Promised Key: The Sublime Essence of Rastafari // CreateSpace Independent Publishing Platform. — 2014. — 34 с.
10. Jacques-Garvey A. The Philosophy and Opinions of Marcus Garvey. — Macmillan Publishing Company, 1986. — 412 с.
11. Lee H. The First Rasta: Leonard Howell and the Rise of Rastafarianism. — Lawrence Hill Books, 2004. — 320 с.
12. Price C. Becoming Rasta: Origins of Rastafari Identity in Jamaica. — NYU Press, 2009. — 288 с.
13. Simpson G.E. The Ras Tafari Movement in Jamaica in Its Millennial Aspect // Millennial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. — edited by S. Thrupp. — The Hauge: Mouton, 1962. — С.160-165.

14. Waters A.M. Race, Class, and Political Symbols Rastafari and Reggae in Jamaican Politics. — Taylor & Francis, 1985. — 354 c.
15. Wendt A. Social Theory of International Politics. — Cambridge University Press, 1999. — 447 c.
16. White T. Catch a Fire. The Life of Bob Marley. — Oninibus Press, 1991. — 576 c.

REFERENCES

1. Sosnovskij N. A. Kul'tura Rastafari [The Rastafari culture] / N. A. Sosnovskij. — M.: Institut Afriki RAN [The Institute of Africa RAS], 2016. — 300 p.
2. Belyaeva E.E. Kul'turnaya politika kak osnova integracii v Evropejskom Soyuze [Cultural policy as a foundation of integration in the European Union] / E.E. Belyaeva. — Fundamental'naya nauka vuzam [Fundamental science for universities]. — 2011. — №1. — PP. 350-354.
3. Bedasse M.A. Jah Kingdom: Rastafarians, Tanzania, and Pan-Africanism in the Age of Decolonization. — The University of North Carolina Press, 2017. — 270 p.
4. Dijk F. J., Sociological means: colonial reactions to the radicalization of Rastafari in Jamaica, 1956-1959. // New West Indian Guide. — 1995. — 1/2(69). — PP. 67-101.
5. Doyle C. Rastafarianism & Michael Manley. // Carribean Studies. — 2012. — №2. — PP. 107-123.
6. Dunkley D.A. The Suppression of Leonard Howell in Late Colonial Jamaica, 1932-1954 // New West Indian Guide. — 2013. — №87. — PP.62-93.
7. Edmonds E.B. Rastafari: A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2012. — 144 p.
8. Edmonds E.B. Rastafari: From Outcasts to Culture Bearers. — Oxford University Press, 2002. — 208 p.
9. Howell L.P. The Promised Key: The Sublime Essence of Rastafari // CreateSpace Independent Publishing Platform. — 2014. — 34 p.
10. Jacques-Garvey A. The Philosophy and Opinions of Marcus Garvey. — Macmillan Publishing Company, 1986. — 412 p.
11. Lee H. The First Rasta: Leonard Howell and the Rise of Rastafarianism. — Lawrence Hill Books, 2004. — 320 p.
12. Price C. Becoming Rasta: Origins of Rastafari Identity in Jamaica. — NYU Press, 2009. — 288 p.
13. Simpson G.E. The Ras Tafari Movement in Jamaica in Its Milllenial Aspect // Millenial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. — edited by S. Thrupp. — The Hauge: Mouton, 1962. — PP.160-165.

14. Waters A.M. Race, Class, and Political Symbols Rastafari and Reggae in Jamaican Politics. — Taylor & Francis, 1985. — 354 p.
15. Wendt A. Social Theory of International Politics. — Cambridge University Press, 1999. — 447 p.
16. White T. Catch a Fire. The Life of Bob Marley. — Oninibus Press, 1991. — 576 p.

Куба и Народное движение за освобождение Анголы: невоенные аспекты сотрудничества

Мызин Федор Олегович

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 3 курс

Научный руководитель д.полит.н. Мартынов Борис Федорович

МГИМО МИД России, Кафедра международных отношений и внешней политики России

РЕЗЮМЕ

В статье приведены результаты исследования деятельности кубинской интернациональной миссии в Анголе с момента обретения последней независимости от Португалии в 1975г. до полного вывода кубинских военных и гражданских специалистов с территории республики в 1991г. С использованием описательно-повествовательного и количественного методов анализу подвергается сотрудничество Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) и Кубы в сфере образования и здравоохранения: его значение для развития ангольского общества и для качества жизни ангольцев. Оценивается масштаб задействования кубинских специалистов в ангольских образовательных и медицинских учреждениях.

Рассматриваются долгосрочные последствия кубинско-ангольского сотрудничества как для развития социальной сферы Анголы, так и для ее общества и государства. Обосновывается двойственность влияния на ангольское общество кубинской миссии, проявляющаяся в формировании устойчивой зависимости ангольских систем образования и здравоохранения от иностранной помощи и сдерживании их развития при значительном положительном воздействии данного сотрудничества на ангольскую социальную сферу и, в перспективе, на ее экономику. Отмечается высокое значение кубинской гражданской помощи Анголе для поддержания порядка и власти МПЛА на подконтрольной ей территории, ставшего необходимым условием победы этого движения в гражданской войне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гуманитарное сотрудничество; гражданская война в Анголе; история; Куба; МПЛА; помощь развитию.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность А.В.Родионову (МГИМО МИД России, 2 курс магистратуры), наставнику в Академии НСО.

Исследование проведено в ходе реализации проекта «Академия НСО» в рамках соглашения от 15.06.2023г. №075-15-2023-573 с Министерством науки и высшего образования РФ о предоставлении гранта в форме субсидии образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

Cuba and the People's Movement for the Liberation of Angola: Non-Military Aspects of Cooperation

Fyodor O. Myzin

MGIMO University

School of International Relations, 3rd Year

Research supervisor Ph.D. in Political Science (Doctor) Boris F. Martynov,

Professor at Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University

ABSTRACT

The article studies the activity of Cuban internationalist mission in Angola from the moment of achieving independence from Portugal in 1975 until the complete withdrawal of the Cuban military and civil specialists from the republic in 1991. Descriptive and quantitative methods are used for the analysis of the cooperation between Cuba and Angola on education and healthcare as well as for scrutiny of its meaning for the development of the Angolan society and its impact on the quality of life. The scale of the engagement of Cuban specialists in the Angolan educational and medical organizations is estimated.

The long-term consequences of this cooperation for the Angolan social sphere as well as for its state and society are considered. The author proves the concept of dual influence of the Cuban mission on the Angolan society, which resulted, on the one hand, in building up a permanent dependence of the Angolan education and healthcare systems from the foreign aid and inhibiting their development and, on the other hand, in a considerable positive impact on the Angolan social sphere and, in prospective, on its economy, with the civilian aid playing an important role in maintaining order and backing the authority of the MPLA, which was necessary for its victory in the civil war.

KEYWORDS

humanitarian cooperation; Angolan civil war; history; Cuba; MPLA; development aid.

ACKNOWLEDGMENTS

The author thanks Alexei V. Rodionov (MGIMO University, Master Program, 2nd Year), mentor at the NSO Academy.

The study was conducted in the course of the NSO Academy project within the framework of the agreement No. 075-15-2023-573 dated 15.06.2023 with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on providing a grant in the form of a subsidy to educational organizations of higher education for the implementation of activities aimed at supporting student research communities

Contact the author via f.o.myzin@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

В 1975 г. началась одна из самых масштабных интернациональных миссий Кубы — миссия в Анголе. Ее деятельность протекала в условиях гражданской войны, была с ней неразрывно связана и все же не ограничивалась военным сотрудничеством. Освободившись от зависимости от США всего за полтора десятилетия до этого, Куба оказалась готова содействовать развитию Анголы во многих сферах.

Деятельность кубинской миссии в Анголе выбрана для исследования по ряду причин. Во-первых, опыт Кубы может быть полезен государствам, реализующим проекты развития африканских стран, в том числе Российской Федерации. Во-вторых, изучение сотрудничества стран Латинской Америки и Африки в годы «холодной войны» необходимо для понимания предпосылок и перспектив развития связей между этими регионами в настоящее время. В-третьих, пример кубинско-ангольского сотрудничества позволяет лучше понять современную политику Кубы в отношении ряда дружественных ей стран.

Тема гражданских аспектов кубинского интернационализма в Анголе недостаточно раскрыта как в российской, так и в англоязычной науке. В то время как участие кубинских до-

бровольцев в боевых действиях изучено и освещено в русскоязычной литературе достаточно широко, вопросам гуманитарного и экономического сотрудничества уделяется гораздо меньше внимания: в лучшем случае факт такого сотрудничества удостоивается упоминания.

Среди отечественных исследователей, занимающихся этой проблематикой, А.М.Хазанов^[1], А.А.Токарев^[2], Б.Ф.Мартынов^[3].

Ненамного лучше обстоят дела в англоязычной литературе: зачастую сотрудничество Кубы с Анголой рассматривается в более широком контексте кубинского медицинского интернационализма или сотрудничества стран глобального Юга друг с другом, выступая лишь одним из примеров этих явлений и не получая должного внимания само по себе. Крупнейшими исследователями кубинского участия в гражданской войне в Анголе за рубежом являются П.Глехейсес^{[4],[5]}, Х.Хатцки^{[6],[7]}, Э.Джордж^[8]. Следует выделить монографию «Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge 1976–1991» профессора Ганноверского университета имени Лейбница Христине Хатцки, специалиста в области истории стран Центральной Америки и Карибского бассейна, а также лузофонных государств Африки. Эта работа посвящена в первую очередь вопросам анголо-

[1] Хазанов А.М. История Анголы в новое и новейшее время / А.М. Хазанов – ИВ РАН, 1999. – 392 с.

[2] Токарев А.А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. / А.А. Токарев – Институт Африки РАН, 2006. – 184 с.

[3] Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее. / Б.Ф. Мартынов // Ибероамериканские тетради. – 2022. – №10(1). – С. 38–52. – URL: <https://www.iberpapers.org/jour/article/view/477/377> (дата обращения: 22.12.2023).

[4] Gleijeses P. *Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976* / P. Gleijeses. – University of North Carolina Press, 2002 – 576 с.

[5] Gleijeses P. *Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa, 1976–1991* / P. Gleijeses. – University of North Carolina Press, 2013. – 672 с.

[6] Hatzky C. *Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath* / C. Hatzky // *Cuba and Africa, 1959–1994: Writing an Alternative Atlantic History*. – Wits University Press, 2020. – С. 85–105.

[7] Hatzky C. *Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991* / C. Hatzky. – University of Wisconsin Press, 2015. – 388 с.

[8] George E. *The Cuban Intervention in Angola, 1965–1991: From Che Guevara to Cuito Cuanavale* / E. George – Frank Cass, 2005 – 354 с.

кубинского сотрудничества в сфере образования, но затрагивает также другие области взаимодействия.

Таким образом, научная новизна исследования заключается, во-первых, в том, что впервые на русском языке подробно рассматривается невоенная деятельность кубинской миссии в Анголе, во-вторых, в оценке итогов ее работы на разных уровнях ангольского общества.

Объектом исследования является деятельность кубинской миссии в Анголе в области образования и здравоохранения, предметом исследования — социальное значение этой деятельности. В силу крайней скудности доступной информации о деятельности кубинских инженеров в Анголе в указанные годы вопросы деятельности миссии в сфере экономики не рассматриваются.

В ходе исследования изучается проблема места и роли кубинской помощи в социальных процессах, протекавших в Анголе в годы гражданской войны. Поставлена цель — определить воздействие реализованных кубинскими специалистами проектов на социальную сферу подконтрольных Народному движению за освобождение Анголы — Партии труда (МПЛА) территорий Анголы. Для достижения цели исследования необходимо решение следующих задач:

1. определить вклад ангольско-кубинского сотрудничества в сфере образования в формирование ангольской образовательной системы;
2. оценить значение кубинского медицинского интернациона-

лизма для ангольской системы здравоохранения;

3. проанализировать воздействие кубинских программ на население Анголы.

При проведении исследования использованы описательно-повествовательный метод и метод количественного анализа.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ КООПЕРАЦИИ

Контакты между Кубой и ангольским марксистским движением МПЛА начались в 1965 г. в рамках планов кубинского руководства по поддержке революционных и партизанских движений по всему миру для «сокрушения империализма»^[1] в долгосрочной перспективе и создания пояса безопасности вокруг Кубы в среднесрочной.^[2] В связи с поражением социалистических революций в ряде латиноамериканских стран Куба отложила планы по продвижению континентальной революции и сосредоточилась на африканском направлении. В 1975 г., незадолго до провозглашения независимости Анголы, на ее территорию прибыли первые кубинские добровольцы — начался славный боевой путь кубинцев на полях ангольской гражданской войны.^[3]

Гуманитарное сотрудничество Кубы и Анголы стало развиваться одновременно с началом военной миссии и основывалось на «Рамочном соглашении об экономическом, научном и техническом сотрудничестве», подписанном в июле 1976 г. Фиделем Кастро и лидером МПЛА Агостинью

[1] Ernesto Che Guevara. «CREAR DOS, TRES ... MUCHOS VIETNAM». Mensaje a los pueblos del mundo a través de la Tricontinental. // Marxists Internet Archive, 1999; Corregida, enero 2013. — URL: https://www.marxists.org/espanol/guevara/04_67.htm (Дата обращения: 22.11.2023).

[2] Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее. // Ибероамериканские тетради. — 2022. — Т. 10, №1. — С. 42-43.

[3] Там же, с. 44.

Нету.^[1] Помощь оказывалась на возмездной основе: правительство Анголы платило зарплату кубинским специалистам, кроме того, соглашение предусматривало выгодные для Кубы условия двухсторонней торговли. Помимо этого, принимая решение об оказании помощи Анголе, кубинское руководство опиралось на принцип пролетарского интернационализма, считая следствием успеха кубинской революции ответственность народа Кубы перед другими народами, борющимися за независимость.^[2]

По условиям соглашения, правительство Анголы направляло Кубе запросы о предоставлении помощи и обязывалось оплачивать её.^[3] Таким образом, инициатива во взаимодействии двух стран по вопросам содействия развитию принадлежала ангольскому руководству^[4], знакомому с ситуацией на местах, которое при этом не считало зазорным прибегать к помощи кубинских советников^[5], что обеспечивало кубинским программам довольно высокую эффективность.

В первую очередь Куба обеспечивала Анголу кадрами.^[6] Первоначально предполагалось, что кубинские советники будут делиться опытом с администрацией МПЛА в центре и в провинциях, помогая ангольским чиновникам выстроить самодостаточную систему управления. К 1978 г. стала очевидной невозможность достичь

этой цели ввиду катастрофического кадрового голода. По этой причине в Анголу стали массово направляться педагоги различных ступеней образования, медики и инженеры из Кубы, а также других социалистических стран. Численность кубинских гражданских специалистов оставалась высокой до 1983 г., когда из-за роста напряженности внутривластной обстановки в Анголе, а также усиления идеологических и политических разногласий между двумя странами география и численность кубинской миссии стали сокращаться. В 1991 г. последние гражданские специалисты покинули республику вместе с кубинскими военными, которые были выведены из Анголы в соответствии с Нью-Йоркскими соглашениями. Всего за период 1975–1991 гг. в Анголе, по разным оценкам, побывало 44–50 тыс. гражданских специалистов.^[7]

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В образовательной области перед МПЛА стояла задача выстроить систему всеобщего образования, которая прививала бы населению революционные ценности^[8] и вместе с тем формировала бы национальное самосознание: к моменту обретения независимости значительная часть населения Анголы говорила только на локальных языках.^[9]

[1] Hatzky C. Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath // *Cuba and Africa, 1959–1994: Writing an Alternative Atlantic History*. — Wits University Press, 2020. — С. 90.

[2] Ralston R. Cuba in Africa and Africa in Cuba // *Contemporary Marxism*. — 1983. — No. 7. — С. 143.

[3] Hatzky C. Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath // *Cuba and Africa, 1959–1994: Writing an Alternative Atlantic History*. — Wits University Press, 2020. — С. 91.

[4] Там же, с. 90.

[5] Там же, с. 95.

[6] Там же.

[7] Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991. — University of Wisconsin Press, 2015. — С. 154.

[8] Там же, с. 121.

[9] Blunden M. South-South Development Cooperation: Cuba's Health Programmes in Africa // *International Journal of Cuban Studies*. — 2008. — Vol. 1, No. 1. — С. 36.

В 1975 г. уровень грамотности составлял 15%.^[1]

После того, как в 1978 г. руководство МПЛА осознало невозможность в короткие сроки преодолеть нехватку квалифицированных ангольских учителей, средние и старшие школы, а также университеты стали массово комплектоваться иностранными сотрудниками, среди которых в 1982 г. 77 % составляли выходцы из Кубы.^[2] Они преподавали преимущественно технические предметы, историю и марксистскую идеологию. Единственным предметом, в преподавании которого не были задействованы кубинские преподаватели, был португальский язык — это было связано с низким уровнем владения им среди кубинцев. Зачастую они говорили на испанско-португальском «суржи́ке» — *portuñol*.^[3] По этой же причине кубинские педагоги практически не были задействованы в младшей школе.

Кубинские учителя действовали в 17 из 18 провинций Анголы (см. Приложение 1). На рубеже 1983–1984 гг. на фоне активизации боевых действий их численность стала сокращаться, а география миссии теперь ограничилась наиболее безопасными районами на западе страны.

Особым аспектом образовательного сотрудничества двух стран стало создание на острове Хувентуд международных школ, продолживших свое существование после 1991 г. и принимающих в своих стенах учеников со всего развивающегося мира. До кон-

ца XX в. эти образовательные центры выпустили 8 тыс. ангольцев.^[4] Школы острова Хувентуд осуществляли программы как общего образования, так и повышения квалификации для взрослых и отвечали задачам подготовки не просто специалистов, а «новых людей» революции. С учетом потребности Анголы в формировании национального самосознания в обществе в основу расселения в общежитиях был положен национальный принцип.^[5]

Участие кубинских интернационалистов позволило существенно улучшить ситуацию с уровнем образованности ангольского населения. К 1991 г. уровень грамотности вырос до 42%^[6], то есть почти втрое. Более половины населения оставалось безграмотным, но в условиях идущей гражданской войны достигнутый результат выглядит более чем впечатляющим. Численность студентов в годы наибольшей стабильности, совпавшей с апогеем кубинской миссии, в четыре раза превышала аналогичный показатель эпохи колониальной зависимости, в 1980 г. достигнув 2 млн чел. при численности населения страны в 9 млн чел.^[7]

При этом массовое задействование в школах учителей-иностранцев тормозило формирование педагогических кадров в Анголе и накопление опыта в национальной системе образования. Когда кубинцы покинули страну в 1991 г., дефицит учителей дал о себе знать с новой силой. Впрочем, к тому времени под угрозой оказалось само нахождение МПЛА у

[1] Hatzky C. Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath // *Cuba and Africa*, 1959–1994: Writing an Alternative Atlantic History. — Wits University Press, 2020. — С. 95.

[2] Там же, с. 97.

[3] Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991. — University of Wisconsin Press, 2015. — С. 200.

[4] Там же, с. 207.

[5] Там же, с. 210.

[6] Nations of the World: Statistics. Angola // *Encyclopaedia Britannica*, Inc., 1996. — URL: <https://www.inp.nsk.su/~taskaev/britanic/angola.html> (Дата обращения: 17.10.2023)

[7] Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991. — University of Wisconsin Press, 2015. — С. 143.

власти, и вопросы социального развития отошли на второй план. Одним из главных итогов кубинской образовательной программы стала подготовка квалифицированных кадров для ангольского хозяйства, которые обеспечили функционирование ангольского общества в районах, остававшихся под контролем МПЛА в 1990-е гг., и впоследствии во всех регионах страны.

МЕДИКИ - ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

После обретения независимости в 1975 г. и в связи с массовой эмиграцией португальцев на подконтрольной МПЛА территории оставалось всего 14 врачей^[1]. Прибытие 200 кубинских докторов многократно увеличило численность специалистов, однако, принимая во внимание девятимиллионное население Анголы, всё еще не позволяло обеспечить широкодоступную медицинскую помощь.^[2] Как и учителя, врачи концентрировались в крупных городах, в частности, они работали в семнадцати крупнейших госпиталях страны.^[3]

Подход к развитию ангольского здравоохранения имел ряд сходств с концепцией развития образования: ставка делалась на самодостаточность. При этом кубинская медицинская наука рассматривала здоровье в неразрывной связи с образом и условиями

жизни людей^[4], поэтому стремление к самодостаточности проявлялось не только в программах подготовки медиков в Анголе^[5] и на острове Хувентуд, но и в пропаганде здорового образа жизни и продвижении основ гигиены. Важным вкладом кубинцев было и внедрение антибиотиков.^[6]

В зарубежной литературе отмечается ряд преимуществ, которые кубинские врачи имели перед своими коллегами из большинства других социалистических стран.^[7] В их числе называются знакомство с тропическим климатом, приспособленность к вызовам работы в развивающейся стране и определенная культурная близость: многие кубинцы имеют африканское происхождение. При этом упоминаются и случаи, когда сходство с ангольцами препятствовало эффективной работе кубинских медиков: жители африканской республики принимали чернокожих кубинских врачей за соотечественников и, сомневаясь в компетентности ангольских докторов, отказывались от лечения до тех пор, пока в качестве доказательства национальной принадлежности им не демонстрировался испанский акцент.^[8]

По мере увеличения контингента кубинским медикам удалось добиться значимых результатов в борьбе с инфекционными заболеваниями, в частности, на 1 млн уменьшилась заболеваемость малярией, а смертность

[1] Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism. — University Press of Florida, 2015. — С. 24.

[2] Там же.

[3] Ralston R. Cuba in Africa and Africa in Cuba // Contemporary Marxism. — 1983. — No. 7. — С. 143.

[4] Blunden M. South-South Development Cooperation: Cuba's Health Programmes in Africa // International Journal of Cuban Studies. — 2008. — Vol. 1, No. 1. — С. 34

[5] Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism. — University Press of Florida, 2015. — С. 22.

[6] Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991. — University of Wisconsin Press, 2015. — С. 104

[7] Blunden M. South-South Development Cooperation: Cuba's Health Programmes in Africa // International Journal of Cuban Studies. — 2008. — Vol. 1, No. 1. — С. 36.

[8] Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism. — University Press of Florida, 2015. — С. 22.

от нее сократилась на 40%.^[1] При этом ряд важных показателей здоровья населения, таких, как средняя ожидаемая продолжительность жизни^[2] и детская смертность^[3], остались без заметных изменений, что говорит лишь об ограниченном улучшении ситуации в сфере здоровья ангольских граждан. В области формирования ангольской национальной системы здравоохранения также были достигнуты лишь промежуточные успехи: к 1989 г. число ангольских врачей достигло 230 человек^[4], превысив аналогичный показатель 1975 г. в 16,5 раз, однако для девятимиллионного ангольского населения такой штат по-прежнему был катастрофически маленьким. Прогресс, достигнутый благодаря кубинской миссии, был существенным, но не избавил МПЛА от необходимости решать проблему здравоохранения после ухода кубинцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, цель создать самодостаточную образовательную и здравоохранительную системы, которая в начале сотрудничества двух стран ставилась кубинскими советниками, не была достигнута. В условиях гражданской войны правительство Анголы было вынуждено сосредоточиться на выполнении краткосрочных целей, что ударило по ангольскому обществу после охлаждения двухсторонних отношений, принятия МПЛА решения о строительстве капитализма и вывода кубинского военного и гражданского персонала. В то же время плоды

кубинской помощи трудно переоценить. Во многом благодаря кубинцам молодое, раздираемое междоусобицей африканское государство смогло организовать широкую образовательную программу и обеспечить медицинскую помощью тысячи людей, для судеб которых участие интернационалистов имело огромное значение.

В долгосрочной перспективе к результатам деятельности специалистов с «Острова свободы» можно отнести сохранение стабильности в подконтрольных правительству регионах, выживание режима МПЛА и его фактическую победу в гражданской войне. Еще одним далеко идущим последствием можно считать формирование исторических связей между Кубой и Анголой, возобновленных после почти двух десятилетий разногласий: в 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области высшего образования, в XXI в. новый импульс получило военное сотрудничество, а кубинские врачи-интернационалисты вернулись в Анголу. Начав свою миссию под лозунгом помощи в построении социализма освободившимся от колониализма народам, сегодня, в изменившемся постбиполярном мире, кубинцы по-прежнему верны принципам интернационализма, а кубинские специалисты всё так же востребованы и в Африке, и в Латинской Америке.

Чтобы более точно установить роль кубинской помощи в гражданской войне в Анголе, имеет смысл в будущем изучить участие кубинских инженеров в строительстве инфраструктуры на территории этой страны.

[1] Там же, с. 297.

[2] Life expectancy at birth, total (years) — Angola // World Bank : data base. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?end=1991&locations=AO&start=1975> (Дата обращения: 21.11.2023).

[3] Infant mortality rate (IMR) // United Nations Data Portal : data base. — URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/22/locations/24/start/1975/end/1991/table/pivotbylocation> (Дата обращения: 21.11.2023).

[4] Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism. — University Press of Florida, 2015. — С. 24.

Кроме того, недостаточно исследованными остаются экономические аспекты сотрудничества. Наконец, в данной работе фокус был сделан на значение сотрудничества для ангольской стороны, в то время как его влияние на Кубу еще предстоит рассмотреть в дальнейших исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее. / Б.Ф. Мартынов // Ибероамериканские тетради. – 2022. – №10(1). – С. 38-52. – URL: <https://www.iberopapers.org/jour/article/view/477/377> (дата обращения: 22.12.2023)
2. Токарев А.А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. / А.А. Токарев – Институт Африки РАН, 2006. – 184 с.
3. Хазанов А.М. История Анголы в новое и новейшее время / А.М. Хазанов – ИВ РАН, 1999. – 392 с.
4. Blunden M. South-South Development Cooperation: Cuba's Health Programmes in Africa / M. Blunden // International Journal of Cuban Studies. – 2008. – No. 1. – С. 32-41.
5. George E. The Cuban Intervention in Angola, 1965-1991: From Che Guevara to Cuito Cuanavale / E. George – Frank Cass, 2005 – 354 с.
6. Gleijeses P. Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959-1976 / P. Gleijeses. – University of North Carolina Press, 2002 – 576 с.
7. Gleijeses P. Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa, 1976-1991 / P. Gleijeses. – University of North Carolina Press, 2013. – 672 с.
8. Hatzky C. Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath / C. Hatzky // Cuba and Africa, 1959-1994: Writing an Alternative Atlantic History. – Wits University Press, 2020. – С. 85-105.
9. Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976-1991 / C. Hatzky. – University of Wisconsin Press, 2015. – 388 с.
10. Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism / J. Kirk – University Press of Florida, 2015. – 360 с.
11. Ralston R. Cuba in Africa and Africa in Cuba / R. Ralston // Contemporary Marxism. – 1983. – No. 7. – С. 140-153.

REFERENCES

1. Blunden M. South-South Development Cooperation: Cuba's Health Programmes in Africa / M. Blunden // International Journal of Cuban Studies. – 2008. – No. 1. – P. 32-41.

2. George E. The Cuban Intervention in Angola, 1965-1991: From Che Guevara to Cuito Cuanavale / E. George – Frank Cass, 2005. – 354 p.
3. Gleijeses P. Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959-1976 / P. Gleijeses – University of North Carolina Press, 2002. – 576 p.
4. Gleijeses P. Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa, 1976-1991 / P. Gleijeses. – University of North Carolina Press, 2013. – 672 p.
5. Hatzky C. Cuban Internationalism in Africa: Civil Cooperation with Angola and its Aftermath / C. Hatzky // Cuba and Africa, 1959–1994: Writing an Alternative Atlantic History. – Wits University Press, 2020. – P. 85–105.
6. Hatzky C. Cubans in Angola: South-South Cooperation and Transfer of Knowledge, 1976–1991 / C. Hatzky. – University of Wisconsin Press, 2015. – 388 p.
7. Hazanov A.M. Istoriya Angoly v novoye i noveyshee vremya [The History of Angola in Modern Era] / A.M. Hazanov – Institute of Oriental Studies of the Russia Academy of Science, 1999. – 392 p.
8. Kirk J. Healthcare Without Borders : Understanding Cuban Medical Internationalism / J. Kirk – University Press of Florida, 2015. – 360 p.
9. Martynov B.F. Sovetsko-kubinskie otnosheniya posle Karibskogo krizisa, krah razryadki i uroki na budushchee. [Soviet-Cuban Relations after the Caribbean Crisis, the Collapse of Détente and Lessons for the Future] / B.F. Martynov // Iberoamerikanskije tetradi. [Cuadernos Iberoamericanos]. – 2022. – №10(1). – P.38-52. – URL: <https://www.iberpapers.org/jour/article/view/477/377> (accessed: 22.12.2023).
10. Ralston R. Cuba in Africa and Africa in Cuba / R. Ralston // Contemporary Marxism. – 1983. – No. 7. – P. 140–153.
11. Tokarev A.A. FNLA v anticolonialnoy borbe i voyne v Angole [FNLA in the Anti-Colonial Struggle and Civil War in Angola] / A.A. Tokarev – The Institute for African Studies of the Russian Academy of Science, 2006. – 184 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

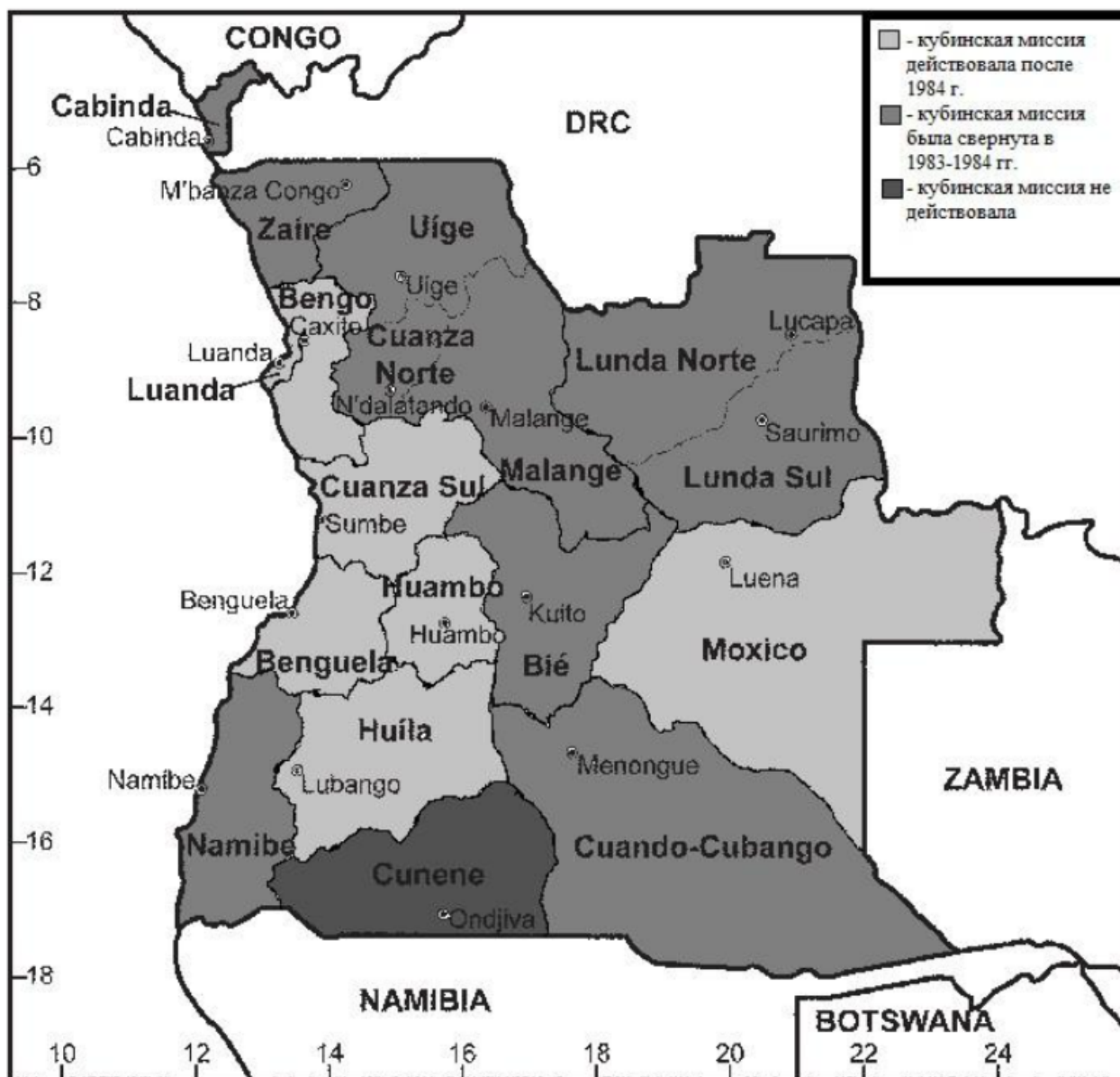

Рисунок 1. География деятельности кубинских педагогов в Анголе в 1975–1991 гг. Составлено автором.

Образы модернизации в работах идеологов Исламской революции

Савин Михаил Игоревич

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 2 курс

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются работы общественных и политических деятелей Ирана, воззрения которых оказали определяющее влияние на формирование дискурса Исламской революции 1978 – 1979 гг. Революция в Иране вызвала широкий международный резонанс и привлекла внимание многих исследователей. Тем не менее, соотношение между религиозными и светскими силами, идейно-политическая ориентация участников революции и ее значение для последующего развития Ирана и стран исламского мира остаются предметом полемики, особую остроту которой придает продолжающийся конфликт между политическим режимом современного Ирана и оппозиционными группировками. Десятилетиями ранее водораздел между политическими силами Ирана проходил по вопросам

модернизации. Почему эта проблема оказалась ключевой для политического процесса? Какое отношение к модернизации сформулировали теоретики Исламской революции? И какова связь между антиколониальной повесткой революции и взглядами ее идеологов на модернизацию? Целью исследования является ответ на эти вопросы. Описание концепций идеологов Исламской революции и проведенный в статье сравнительный анализ позволяют ответить на поставленные вопросы и сформировать представление об основных религиозно-политических дискурсах Исламской революции. Это представление является обязательным условием для комплексной оценки идейно-теоретической базы Исламской революции, которая должна быть принята во внимание в контексте исследований последних десятилетий истории Ирана и политических процессов в исламских странах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран; исламская революция; модернизация; колониализм; исламская идеология.

Images of Modernization in the Works of the Ideologists of the Islamic Revolution

Mikhail I. Savin

MGIMO University

School of International Relations, 2nd Year

ABSTRACT

The article examines the works of Iranian public and political figures, whose views had a decisive impact on the formation of the discourse of the Islamic Revolution of 1978–1979. The revolution in Iran caused a wide international response and attracted the attention of many researchers. Nevertheless, the relationship between religious and secular forces, the ideological and political orientation of the participants in the revolution and its significance for the subsequent development of Iran and the countries of the Islamic world remain the subject of polemic, which is especially acute due to the ongoing conflict between the political regime of modern Iran and opposition groups. Decades earlier, a contradiction line between Iran's political forces was based on the issue of modernization. Why did this

issue turn out to be key to the political process? What attitude towards modernization was formulated by the theorists of the Islamic revolution? What is the connection between the anti-colonial agenda of the revolution and the views of its ideologues on modernization? The purpose of the paper is to answer these questions. The description of the concepts of the ideologists of the Islamic revolution and the comparative analysis provided in the article allow us to answer the questions posed and form an image of the main religious and political discourses of the Islamic revolution. This idea is a prerequisite for a comprehensive assessment of the ideological and theoretical basis of the Islamic Revolution, which should be taken into account in the context of researches of the last decades of Iranian history and political processes in Islamic countries.

KEYWORDS

Iran; Islamic revolution; modernization; colonialism; Islamic ideology.

Говоря о революции, часто возникает проблема аберрации мышления: результаты революции и черты постреволюционного политического режима экстраполируются на сам революционный процесс. Хотя эта иллюзия и не искажает полностью реальность, она препятствует анализу революции во всей глубине ее противоречий. Диалектика масштабного революционного процесса заключается в том, что его предпосылки и причины, мотивация и действия его непосредственных участников порой оказываются забытыми и теряются в тени его главной, преобладающей тенденции, формирующей образ последствий революции. В числе других революций Исламская революция в Иране нередко становится жертвой упрощенного подхода, игнорирующего немаловажные аспекты предреволюционной ситуации и революционного процесса – в зависимости от политического дискурса разные. Как современный политический режим Исламской республики Иран, так и его многочисленные критики часто упускают из вида страницы предреволюционной жизни Ирана и истории развития общественно-политической мысли, которые могли бы по меньшей мере скорректировать представление о природе Исламской революции.

Темы, к которым в своих работах обращались наиболее известные и авторитетные теоретики Исламской революции в предшествующие ей десятилетия, были предопределены характером развития Ирана в середине-второй половине XX века. Хотя Иран формально и не терял независимость, его экономика была плотно встроена в мировую экономическую

систему, находясь, главным образом, под влиянием британского, а затем американского капитала.^{[1],[2]} Попытка преодолеть эту зависимость, предпринятая правительством Мосаддыка, национализировавшим нефтяную промышленность в 1951 году, закончилась государственным переворотом, который был осуществлен при активном участии спецслужб США и Британии. Восстановленный на престоле шах инициировал «белую революцию», которая, хотя и реализовала программу масштабной модернизации, во-первых, не преодолевала внешне-экономическую зависимость, во-вторых, породила комплекс экономических противоречий, с которым не могла справиться, в-третьих, не подразумевала демократизации, а напротив, проводилась параллельно с формированием репрессивного режима при активной поддержке США, и, наконец, сопровождалась культурной вестернизацией и апелляцией к доисламской истории Персии в попытке обосновать легитимность монархии и скорректировать складывание национального сознания.^[3] Кризис «белой революции» и несостоятельность ее политической программы создавали запрос на альтернативную модернизацию или альтернативу модернизации. Более того, к концу 1970-х гг. этот вопрос становился актуальным далеко не только в Иране. Упадок панарабизма, Апрельская революция в Афганистане, свержение Зулфикара Али Бхутто в Пакистане и другие события и процессы в исламских странах ознаменовали всеобщий кризис моделей модернизации.

Итак, среди иранских интеллектуалов, наиболее яркий и, как оказалось

[1] Алиев С. М. История Ирана. XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+. 2004. – С. 270, 374.

[2] Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем (пути и формы революционного процесса). М.: «Наука», 1981. – С. 102-103.

[3] Хорос В.Г., Мирский Г.И., Майданик К.Л. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. – М.: «Наука», 1996. – С. 85-86.

впоследствии, популярный ответ на поставленные вопросы дали те, кого принято считать теоретиками Исламской революции. Зачастую они не формулировали четкой политической программы, поэтому в названии этой работы используется слово «образы». Эти образы сохраняют актуальность и сегодня, поскольку проблематика модернизации по-прежнему воспринимается остро в странах мусульманского востока. Аятолла Хаменеи в своих выступлениях обращается к антиколониальной риторике, прямо отсылающей к Исламской революции.^[1] Оппозиционная иранскому правительству Организация моджахедов иранского народа также апеллирует к революционному прошлому.^[2] Таким образом, пока вопросы деколонизации и модернизации являются предметом политической полемики, исследование идейных основ революции с точки зрения этих проблем представляется важным аспектом дискуссии вокруг Исламской революции и современного развития Ирана. Исследование, проведенное в рамках этой работы, структурно оформлено в виде последовательного анализа работ двух групп теоретиков Исламской революции: тех, чье интеллектуальное наследие широко используется в рамках официального дискурса Ирана, и тех, чьи политические воззрения шли вразрез с возобладавшей тенденцией Исламской революции. Это разделение в значительной мере условно, но оно позволяет провести обобщенный анализ. Задачами этого исследования являются характеристика взглядов идеологов Исламской

революции и сравнительный анализ аспекта модернизации в их работах.

В настоящий момент тема идеологии Исламской революции остается в значительной мере неисследованной в России. Существуют статьи и монографии, посвященные некоторым аспектам «исламской идеологии» или творчеству и концепциям отдельных авторов, как например работа И.Р. Гибадуллина «Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране».^[3] Поэтому в этом исследовании основной акцент сделан на опубликованных трудах теоретиков революции. Также используются материалы работы ирано-американского исследователя Хамида Дабаши «Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran»^[4], которая представляет собой наиболее полную характеристику взглядов иранских религиозных идеологов и содержит большое количество фактического материала. Данные этой работы существенно дополняют анализ источников и в сочетании с материалами российских исследований и других зарубежных публикаций позволяют представить целостную картину восприятия модернизации теоретиками Исламской революции.

ХОМЕЙНИ И МУТАХХАРИ

В событиях 1978 – 1979 годов аятолла Хомейни сыграл неоспоримую роль, выступая сначала как символ протеста против шаха, а после своего возвращения в Иран как духовный и политический лидер революционных выступлений. Еще задолго до

[1] The Official Website of Ayatollah Khamenei – URL: <https://english.khamenei.ir/news/9945/Inspired-by-Islam-the-Islamic-Republic-opposes-arrogance-and> (дата обращения: 23.07.2023).

[2] سازمان مجاهدین خلق ایران [People's Mojahedin Organization of Iran] – URL: <https://leader.mojahedin.org/i/news/52579> (дата обращения: 25.07.2023).

[3] Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. — М.: «Садра», 2017. — 400 с.

[4] Dabashi Hamid. Theology of Discontent: the Ideological Foundations of the Islamic Revolution in Iran. — N.Y.: New York University Press, 1993. — 644 с.

революции он выступал как радикальный оппозиционер по отношению к правящему режиму. Наиболее полным отражением политических взглядов аятоллы можно считать его работу «Велаят-е факих» («Правление факиха»). Доктрина велаят-е факих в настоящий момент является основополагающим принципом политической власти в Иране. Однако начать следует не с описания самой концепции, а с описанных автором предпосылок ее формирования и аргументов в ее поддержку.

Основным противником и препятствием на пути реализации подлинно исламского правления имаму представляется не шахский режим, а западный колониализм, создающий «почву для уничтожения ислама».^[1] Негативные характеристики колониализма в работе, однако, не сопровождаются сколько-нибудь подробным анализом политических и экономических интересов колонизаторов, но разрушительность их деятельности не ставится под сомнение. Копирование западного законодательства закрепляет политический режим, не соответствующий исламским нормам^[2] (что для Хомейни само по себе свидетельствует о недопустимости соответствующих форм правления).^[3] Колониальный порядок признается источником неравенства и угнетения^[4], а развращенность, праздность угнетателей и привнесенная западная культура — источником расходов, несопоставимых с общественными потребностями.^[5] Колониализм, по мнению Хомейни, препятствует индустриализации в покоренных странах.

^[6] Это утверждение может показаться странным, учитывая роль иностранного капитала в индустриализации Ирана, но возмущение Хомейни, очевидно, вызвано невозможностью самостоятельно определять вектор индустриализации, не оглядываясь на интересы зарубежных компаний. Кроме того, имам возлагает вину на колонизаторов за «разделение исламской нации».^[7] Этот тезис требует дополнительных пояснений. Во-первых, утверждая существование «исламской нации», пусть и разделенной, он, тем самым, обозначает потенциальные пределы распространения его политических концепций. Это, в числе других факторов, объясняет неоднократные утверждения об экспорте революции уже в период существования Исламской республики. Во-вторых, утверждение Хомейни категорически отвергает претензии официальной идеологии шахского Ирана на характеристику иранской национальной идентичности как принципиально отличной от общеисламской идентичности. Таким образом, Хомейни отстаивает своеобразный «исламский интернационализм».

Если колониализм вызывает однозначное отторжение у имама, то взгляд на модернизацию предстает в его работе несколько более сложным. Разделяя скептицизм по отношению к идее прогресса, он не отвергает ее полностью, но считает материально-технические достижения вторичными по отношению к духовному развитию.^[8] Поэтому модель модер-

[1] Аятолла Хомейни. Правление факиха (исламское правление). – Тегеран: Институт по сбору и изданию трудов имама Хомейни, Отдел международных связей, 2006. – С. 22.

[2] Там же, с. 28.

[3] Там же, с. 53.

[4] Там же, с. 55-56.

[5] Там же, с. 63.

[6] Там же, с. 40.

[7] Там же, с. 54.

[8] Там же, с. 36.

рнизации, предполагающая заимствование западных институтов, должна быть отвергнута. Как привести в соответствие материальный прогресс и духовное начало? Ответом на этот вопрос, в сущности, и является концепция веляят-е факих, то есть «правление факиха». «Исламское правление не является ни деспотическим строем, ни абсолютной монархией, а наоборот, это правление, основанное на конституционных основах. <...> Конституционное в том смысле, что в деле исполнения и управления должен соблюдаться ряд условий, которые определены в священном Коране и Сунне нашего Пророка».^[1] Итак, высшим принципом государственного управления и правовой базой должно стать мусульманское священное писание и предание. Поскольку государственная деятельность и судопроизводство на основе шариата требует адаптации его к конкретным обстоятельствам, ключевую роль приобретают представители духовенства, компетентные в области иджитхада — практики изучения, толкования шариата и суждений на его основе. Логика аятоллы вполне понятна: никто не может считаться большим выразителем коранических истин, чем духовенство, а значит, ни демократические режимы, ни монархическое правление неприемлемы для исламского общества. Им аятолла противопоставляет политическую организацию исламской общины времен Пророка, при этом активно критикуя бюрократический аппарат и издержки бюрократического управления.^[2] Тем не менее, несмотря на описанную критику, Хомейни допускает существование парламента, хотя его функ-

ции описаны весьма своеобразно: это не законодательный парламент, а орган, который «в рамках исламских предписаний составляет программы для различных министерств и тем самым определяет объем и качество услуг, оказываемых по всей стране».^[3] Так или иначе, полномочия факиха, ничем не ограниченные, за исключением самих же норм шариата, в системе, описанной Хомейни, доминируют над всеми органами власти. Механизм назначения правящего факиха сравнивается аятоллой с назначением воспитателя детям, опирающимся на «разумное доверие».^[4]

Если веляят-е факих дает исчерпывающее представление о том, как аятолла Хомейни представлял будущее политической системы, то экономическим вопросам в его работах уделяется гораздо меньшее внимание. Несколько более подробно они рассмотрены в его духовно-политическом завещании. Этот текст интересен, помимо антиколониальной риторики, тем, что он представляет собой наиболее полное собрание политических, экономических и других тезисов Хомейни после Исламской революции. Примечательно, что к вопросу о собственности аятолла обращается в контексте полемики с левыми оппонентами. Он призывает «не поддаваться пустой пропаганде грабительского полюса капиталистов и полюса неверующих коммунистов, признавать и уважать законную частную собственность и частный капитал, полученный в рамках ислама, и заверять народ в вашем признании таких принципов, с тем чтобы частный капитал вкладывался в производственную деятельность, чтобы он способствовал

[1] Там же, с. 62.

[2] Там же, с. 66-67.

[3] Там же, с. 63.

[4] Там же, с. 74.

самодостаточности правительства и страны как в легкой, так и в тяжелой промышленности».^[1] Кроме того, в неоднократно цитировавшейся работе об исламском правлении имам рассуждает о традиционных исламских налогах, рассматривая хумс как основу социального обеспечения.^[2] В сочетании с веляят-е факих экономические тезисы имама создают образ исламской экономики как соединения государственного вмешательства с частным сектором, при всеобщем правовом регулировании экономическими предписаниями шариата.

Среди иранских исламских интеллектуалов, оказавших глубокое влияние на формирование идеологии современного Ирана, наиболее идейно близким к Хомейни можно назвать Муртазу Мутаххари — человека, о котором сам имам отзывался как о «плоде всей своей жизни».^[3] Аятолла Мутаххари, как и Хомейни, задолго до победы революции был вовлечен в оппозиционную деятельность и выступал как активный оппонент правящего режима. В 1979 году в течение нескольких месяцев возглавлял Совет Исламской революции и был убит представителями организации «Форкан».

Анализ концепций Мутаххари существенно дополняет сказанное о Хомейни, так как первый был в большей степени вовлечен в интеллектуальную полемику с западными идейными традициями и их представителями в Иране. Подобно имаму, Мутаххари скептически воспринимает идею прогресса ввиду разрыва

между материальным и нравственным развитием, противопоставляя прогресс понятию «эволюции» — движения к совершенству.^[4] Это идейная основа религиозно-этической критики западных модернистских моделей, которая сосредоточена вокруг аргументов против экзистенциализма и марксизма. Аятолла считает, что экзистенциализм «не создает для человека ответственности и обязательств» и постулирует нереалистичный идеал абсолютной свободы, а марксизм «не имеет возвышенного идеала и возвращает человека к инстинктам», а также «подменяет социальный идеал интересами одного класса, в практической области ограничиваясь лишь преобразованием отношений собственности».^[5] Этической альтернативой несовершенным концепциям представляется ислам. Характерно, что в дискуссии с западными теориями Мутаххари, вероятно намеренно, избегает приводить аргументы в рамках их дискурса. Вместе с тем, согласно И.Р. Гибадуллину, российскому исследователю творчества Мутаххари, он был знаком с теоретической базой западных концепций в основном опосредованно, через переводы на персидский язык, или пересказы, что накладывало отпечаток на его критику.^[6]

В работе «Western Nationalism and Islamic Nationhood», прослеживается куда более значительное влияние западных дискурсов на Мутаххари. Аятолла представляет нацию и национализм, как явления, возникшие под влиянием Французской революции, что в целом отражает

[1] Последняя воля имама Хомейни: Духовно-политическое завещание. Ч. 5. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-homejni-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-5/> (дата обращения: 27.07.2023).

[2] Аятолла Хомейни. Правление факиха (исламское правление). – Тегеран: Институт по сбору и изданию трудов имама Хомейни, Отдел международных связей, 2006. – С. 48-50.

[3] Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. — «Садра», 2017. – С. 138.

[4] Там же, с. 105.

[5] Там же, с. 102-103.

[6] Там же, с. 103.

господствующие в то время представления.^[1] Таким образом, нация исторична и обусловлена конкретными факторами, а значит, национальная принадлежность тоже до известной степени условна. Порой рассуждения Мутаххари об эволюции национального сознания и интернационалистская риторика отчетливо напоминают диалектику классических марксистских текстов. Что же касается национализма, то он, с точки зрения Мутаххари, представляет собой оружие колониализма в разобщении зависимых народов, формально получивших политическую самостоятельность.^[2] А поскольку нация преподнесена как общность конструируемая, то на основе другой формируемой общности можно сформулировать альтернативу национализму. В качестве такой альтернативы Мутаххари предполагает международную солидарность, основанную, на борьбе против угнетения, в первую очередь колониального и империалистического, возглавить которую должен ислам — религия, отвергающая все этнические и национальные различия между людьми.^[3]

Отдельного внимания заслуживает, в том числе ввиду актуальности проблемы в современном Иране, позиция Мутаххари по вопросу прав женщин. Будучи сторонником традиционалистской точки зрения, он выступает за безусловный примат исламских норм в этом вопросе. Согласно Мутаххари, западное движение за права женщин не улучшает их поло-

жение, создавая при этом новые проблемы, в то время как ислам обеспечивает женщинам, которые «слабы по природе», необходимую защиту.^[4] Многоamia лучше многоженства, но отказ от многоженства не оправдан, так как, по мнению аятоллы, связан с желанием «мужчины двадцатого века» избежать ответственности за более чем одну женщину.^[5]

Если взгляды Мутаххари на экономику в целом сходятся с воззрениями Хомейни, то, предъявляя исламскому правлению абстрактное требование справедливости и соответствия нормам ислама, он, однако, не предусматривает особых полномочий факиха, которые являются центральным элементом концепции власти Хомейни.^[6] Так или иначе, ни в 1979 году, возглавляя Совет Исламской революции, ни в предыдущие годы Мутаххари не сформулировал проработанной альтернативы веляят-е факих и выступал как последовательный сторонник Хомейни.

Таким образом, в трудах имама Хомейни и аятоллы Мутаххари колониализм предстает главным препятствием на пути развития стран исламского мира. Выступая оппонентом европеизации, Хомейни, однако не отринул идею модернизации, если под ней «подразумевают изобретения, новые продукты и передовые технологии».^[7] Но, согласно Хомейни, технический прогресс, как и вся государственная политика, должен осуществляться под управлением факиха.

[1] Murtadha Mutahhari. Western Nationalism and Islamic Nationhood / Tr. by Sayyid Wahid Akhtar // Al-Tawhid Islamic Journal. – 2014. — Vol. 5, №3-4. — URL: <https://www.al-islam.org/al-tawhid/vol5-n3-4/western-nationalism-and-islamic-nationhood-murtadha-mutahhari> (дата обращения: 25.07.2023).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Dabashi Hamid. Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran. – N.Y.: New York University Press, 1993. – С. 206-209.

[5] Там же, с. 209.

[6] Там же, с. 192.

[7] Последняя воля имама Хомейни: Духовно-политическое завешание. Ч. 2. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-homejini-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-2/> (дата обращения: 27.07.2023).

Фактически доктрина исламского правления устанавливает политическую монополию узкой группы духовенства и даже с теоретической точки зрения ставит государственное управление в зависимость от субъективных качеств этой группы или конкретного факиха. Политическая концепция имама, в сущности, представляет собой довольно эклектичное сочетание отдельных практик модернизации с внедрением традиционных исламских норм при клерикальной модели государственного устройства.

ЛЕВЫЕ ТЕОРЕТИКИ

Внимательно читая работы аятолы Хомейни и идейно близких к нему идеологов, сложно не заметить, что они часто выдержаны в критическом тоне по отношению к дискурсу «левого ислама». Несмотря на то, что в ходе революции, этот дискурс уступил место идеям правого духовенства, в мобилизации масс левые идеологи сыграли роль, сопоставимую с ролью их оппонентов. Антиимпериалистический мотив иранского революционного движения, глубокие классовые противоречия и запрос на социальную справедливость сами по себе были фактором развития и популярности социалистической мысли, но ее сочетание с исламом в рамках проработанной революционной концепции, даже несмотря на давнюю историю представлений об исламском социализме в мусульманских странах, было едва ли не уникальным явлением. Наиболее крупным теоретиком этого направления был Али Шариати.

Али Шариати, сын известного иранского религиозного деятеля, еще в период обучения в Иране стремил-

ся ознакомиться с западными концепциями, которые так ожесточенно критиковали многие представители исламского духовенства. Будучи аспирантом Сорбонны, Шариати продолжил изучение марксизма и идей европейских философов и интеллектуалов. Огромное влияние на него оказали взгляды Жана-Поля Сартра и идеолога деколонизации Франца Фанона. На родине Шариати был вовлечен в деятельность Национального фронта и Движения за свободу Ирана, а в Европе сотрудничал с активистами Фронта национального освобождения Алжира. Не присоединяясь к дискурсу традиционного духовенства и оставаясь в то же время приверженцем ислама, Шариати создал собственную версию «исламской идеологии».

Что превалировало в идеях Шариати: ислам или светские теории, главным образом марксизм? Критиковавший последователей Шариати и его самого Муртаза Мутаххари считал, что преобладание марксизма ведет к неверному толкованию Корана, и поэтому является причиной несостоятельности всей концепции.^[1] Однако сам Шариати основой выстроенной им парадигмы полагал шиитскую традицию. Этому посвящено эссе «Red Shi'ism — Black Shi'ism». Шариати противопоставляет первоначальный революционный ислам Мухаммада и Али «черному шиизму» — официальной версии религии, установившейся при Сефевидях. Первый отвечает интересам широких народных масс в борьбе против угнетения правящих кругов, которое Шариати трактует с классовых позиций, второй — религия траура, отстраненная от социальной борьбы.^[2] Революционную сущность ислама Шариати возводит

[1] Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. — М.: «Садра», 2017. — С. 103.

[2] Али Шариати. Красный шиизм — религия мученичества. Черный шиизм — религия траура. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. — URL: <https://iran1979.ru/ali-shariati-krasnyj-shiizm-religiya-muchenichestva-chnyj-shiizm-religiya-traura/?ysclid=lk34rqpl0799196046> (дата обращения: 28.07.2023).

к его ранней истории, считая основоположником исламской социалистической традиции Абу Зарра, одного из первых сподвижников Пророка^[1], и прослеживает до средневековых движений низших слоев общества под эгидой «красного шиизма».^[2] Все это, однако не дает ответа на вопрос о ключевой составляющей его методологии. Стоит обратиться к рассуждениям Шариати о политеизме и монотеизме, которые гораздо важнее для понимания его системы взглядов, чем может показаться на первый взгляд. В представлении Шариати таухид, то есть единобожие, был первоначальной формой религии, в строгом соответствии с исламским канонам, и господствовал в обществе первобытного «коммунизма». В дальнейшем, под влиянием классового конфликта и греховного разложения он сменился дуалистическими и политеистическими верованиями. Окончательное торжество таухида произойдет в бесклассовом обществе.^[3] Увязывая распространение монотеизма, политеизма и дуализма со стадиями развития человеческого общества, Шариати совсем не случайно совпадает с марксистской формационной теорией, с той разницей, что Маркс возводил смену формаций к материальному прогрессу, а Шариати подразумевает божественную природу таухида, который соответствует доклассовому и бесклассовому обществу. Иными словами, если Маркс поставил диалектику Гегеля с головы на ноги, Шариати

проделал обратную процедуру с концепцией самого Маркса. Шариати допускал заимствования из марксистских концепций, критиковал их, не соглашался с материализмом, активно используя при этом марксистскую терминологию, но в действительности его взгляд представляет собой адаптированный под идеалистическое религиозное мировоззрение, но порой почти дословно воспроизводимый марксистский дискурс. К этому следует добавить влияние экзистенциализма на этические воззрения Шариати. Его прочтение Корана преисполнено отсылками к центральным для экзистенциализма проблемам индивидуального выбора, свободы и ответственности человека.^[4] На этом основывается образ революционера — подлинного мусульманина, сознательно делающего выбор в пользу борьбы против угнетения.

Как воплотить в жизнь описанный Шариати исламский идеал? Ответ на этот вопрос возвращает нас к рассмотрению восприятия модернизации. Как и его оппоненты из среды традиционалистского духовенства, Шариати выступает против вестернизации. Шариати считает, что вестернизация не уравнивает в развитии иранское и, шире, исламское общество с западным. В его текстах звучат мотивы критики общества потребления.^[5] Сотрудничество Шариати с Фронтом национального освобождения Алжира и его антиколониальные настроения не оставляют сомнения в его отношении

[1] Михель Д.В. «Красный шиизм» Али Шариати: философия и исламская революция в Иране. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. — 2021. — №3. — С. 59.

[2] Али Шариати. Красный шиизм – религия мученичества. Черный шиизм – религия траура. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/ali-shariati-krasnyj-shiizm-religiya-muchenichestva-chernyj-shiizm-religiya-traura/?ysclid=lk34rqpl0799196046> (дата обращения: 28.07.2023).

[3] Dabashi Hamid. Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran. – N.Y.: New York University Press, 1993. – С. 131-132.

[4] Там же, с. 115.

[5] Михель Д.В. «Красный шиизм» Али Шариати: философия и исламская революция в Иране. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. — 2021. — №3. — С. 56.

к шахской версии модернизации и ей подобным. Но был ли Шариати принципиальным противником модернизации вообще? Его позицию хорошо иллюстрирует работа о вдохновителе пакистанского национального движения, поэте и мыслителе Мухаммаде Икбале. Икбал, которым Шариати восхищается, по его словам, не принадлежал к числу «реакционеров и почитателей прошлого, которые питают вражду к Западу и всему новому, выступают против новой цивилизации без веской причины», и в то же время не относился к тем, «кто подражает Западу и поглощен им, не имея мужества критиковать и выбирать».^[1] Из этого следует, что между реакцией и вестернизацией есть срединный путь, который и является предпочтительным. Насколько четко и ясно представлял Шариати этот путь, сказать сложно. В общих чертах его можно описать как движение к бесклассовому обществу через революцию и преодоление капитализма, разумеется, под знаменем красного шиизма и всестороннего освобождения личности. Некоторые еще не рассмотренные темы его произведений могут пролить свет на его видение будущего.

Как критик вестернизации и реакционно-консервативных настроений одновременно, Али Шариати придерживался весьма своеобразного подхода к вопросу о правах женщин. В работе «Фатима есть Фатима» он выступает резко против «западного»

подхода к эмансипации: по его мнению, капиталистическое общество потребления не подразумевает действительного освобождения женщины, делая ее заложником иллюзии сексуальной свободы и потребительской логики, приводящей к отчуждению: «У нее нет никаких чувств и, в сущности, она не играет никакой роли. У нее нет духовности, нет убеждений. Она ничего не стоит».^[2] В то же время в традиционном обществе исламских стран женщины лишаются возможностей под прикрытием религиозной традиции и «помещены в тюрьму, которая не ведет ни в школу, ни в библиотеку, ни в общество».^[3] Несмотря на это, образ настоящего освобождения женщины Шариати видит в исламе – угнетенное положение он объясняет отступлением от истинного ислама и сохранением в исламской традиции привнесенных элементов племенной и феодальной культуры.^[4] Альтернатива, которую предлагает Шариати – радикальное изменение положения женщины: она должна стать полноправным участником общественной жизни, оказывая «глубокое революционное воздействие на все».^[5] Идеал женщины в исламе, на который Шариати предлагает ориентироваться – Фатима, дочь Пророка.

Другой вопрос, в котором Шариати расходится с оппонентами – представления об экономике. Он считает, что исламская экономика, как и исламская юриспруденция, находятся под влиянием мелкобуржуазных

[1] Ali Shariati. Iqbal: The 20th Century Reformer. (Edited by Laleh Bakhtiar). Chicago: ABJAD Book Designers and Builders. – P. 3. – URL: https://archive.bookfrom.net/ali-shariati/page,1,480544-iqbal-the_20th_century_reformer.html (дата обращения: 28.07.2023).

[2] Ali Shariati. Fatima is Fatima. // The Shariati Foundation. – URL: <https://www.al-islam.org/fatima-fatima-ali-shariati> (дата обращения: 28.07.2023).

[3] Там же.

[4] Ali Shariati. Our Expectations on the Muslim Woman. — URL: <https://www.al-islam.org/our-expectations-muslim-woman-ali-shariati> (дата обращения: 28.07.2023).

[5] Ali Shariati. Fatima is Fatima. // The Shariati Foundation. – URL: <https://www.al-islam.org/fatima-fatima-ali-shariati> (дата обращения: 28.07.2023).

норм.^[1] Эта связь должна быть разорвана, более того, исламская экономика должна вообще разрушить условия для накопления капитала.^[2] Это радикальное требование означало бы принципиальный отказ от существующих законов капиталистического способа производства. Однако, чтобы подробнее рассмотреть контекст экономической дискуссии, нам придется обратиться к работам других авторов левого толка. Среди деятелей Исламской революции наиболее известны своими трудами, посвященными экономике, аятолла Махмуд Талегани и первый президент Ирана Абольхасан Банисадр.

Аятолла Талегани — один из ветеранов антишахской оппозиции, политический заключенный, второй председатель Совета Исламской революции и вдохновитель революционных выступлений, которого сторонники называли отцом.^[3] В работе «Ислам и собственность» он анализирует историю экономической теории и сравнивает ее с исламскими представлениями об экономике, при этом главный объект анализа и критики Талегани — политекономия Маркса и марксизм в целом. Его ограниченность в изложении Талегани происходит из материалистической основы: человек подчинен историческому процессу, при этом индивидуальные особенности личности и мотивация субъекта экономической деятельности отходят на второй план.^[4] По этому же принципу Талегани критикует теорию прибавочной стоимости

Маркса, хотя и не отвергает ее полностью, например, в другом фрагменте работы, комментируя исламские нормы экономики, обосновывает право собственности именно непосредственно затраченным трудом.^[5] Следует оговориться, что единственным полноправным собственником всего существующего Талегани считает Аллаха, остальные формы собственности являются опосредованными. Но вернемся к марксизму. Талегани уверен, что не частная собственность является источником зла, а «озабоченность накоплением богатства», которая «разрушает разум, мышление и доброжелательность» человека.^[6] В то же время, «неограниченная» частная собственность приводит к классовым противоречиям, которые ущемляют права большинства. Выход из этого своеобразного замкнутого круга Талегани видит, с одной стороны, в ограничении частной собственности, а с другой стороны, во внедрении исламских норм правового регулирования экономики и деятельности исламского правительства^[7], о котором будет сказано позднее. Плановую систему советского образца Талегани отвергает, так как она создает государство, которое принимает на себя функции класса капиталистов и само становится классом, не устраняя соответствующих противоречий, хотя коммунизм «делает шаги» в направлении защиты прав человека и свободы.^[8] Несмотря на не всегда корректную критику марксизма, именно марксистская терминология задает

[1] Dabashi Hamid. *Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran*. – N.Y.: New York University Press, 1993. – С. 142.

[2] Там же.

[3] Dabashi Hamid. *Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran*. – N.Y.: New York University Press, 1993. – С. 270.

[4] Sayyid Mahmud Taleqani. *Islam and Ownership*. — URL: <https://www.al-islam.org/islam-and-ownership-sayyid-mahmud-taleqani> (дата обращения: 28.07.2023).

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

тон всей работе. По сути, Талегани стремится дать ответ на вопросы, уже сформулированные марксизмом. Аятолла не предлагает проработанной экономической программы, поэтому довольно сложно определить границы ограничения частной собственности в конкретных областях и методы экономической политики государства. Также вероятно, что взгляды Талегани могли несколько измениться: работа «Ислам и собственность» была опубликована в 1951 году, а в период Исламской революции Талегани считали человеком, глубоко симпатизирующим левым настроениям. В воспоминаниях советского посла в Иране В.М. Виноградова аятолла Талегани описан как кумир и идейный вдохновитель моджахедов иранского народа и представителей других левых организаций, к тому же, благожелательно настроенный к Советскому Союзу.^[1]

Абольшасан Банисадр, как и Али Шариати, учился в Сорбонне и провел несколько лет во Франции, участвовал в оппозиционной деятельности и вернулся в Иран вместе с Хомейни. Избранный президентом Ирана, Банисадр конфликтовал с представителями духовенства, был отстранен от власти и с помощью Организации моджахедов иранского народа покинул страну, перейдя в оппозицию к новой власти.

Работы Банисадра выгодно отличаются от экономических сочинений его единомышленников и оппонентов тем, что основываются на оригинальном исследовании экономики Ирана, в первую очередь нефтяной торговли. Банисадр критикует шахскую экономику с левых позиций, обозначая

важную проблему — эффективность государственного контроля в условиях коррумпированного недемократического режима.^[2] Критика Банисадра выдержана в духе концепции зависимого развития. Это куда большее развитие антиколониальных идей, чем антизападная фразеология других вождей революции. Режим Пехлеви осуждается не просто потому, что культурная вестернизация расходится с исламской идеологией, а потому что он является проводником западного капитала, и политически обеспечивает отношения неэквивалентного обмена. По сути, Банисадр призывает к тому, что теоретики мир-системного подхода обозначают термином «de-linking», то есть к ограничению участия иранской экономики в процессе глобального накопления капитала. Доходы от экспорта нефти должны перераспределяться таким образом, чтобы стимулировать развитие национальной промышленности и экономический рост.^[3] Это не подразумевает изоляции страны, но направлено на коренной пересмотр структуры экономики. Поскольку изменения такого характера неосуществимы без участия государства, Банисадр, вполне естественно, агитирует за национализацию нефтяной промышленности и отдает предпочтение общественной собственности (накопление капитала противоречит исламской традиции).^[4] Однако он избегает вопросов планирования и описания механизмов экономической политики. Вероятно, это связано с тем, что он не сформулировал образа государства, которое могло бы воплотить в жизнь его представления об экономическом

[1] Виноградов В.М. Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране / В. М. Виноградов — «Алисторус», 2016 — С. 119-120.

[2] Dabashi Hamid. Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran. — N.Y.: New York University Press, 1993. — С. 373.

[3] Там же, с. 378.

[4] Там же, с. 381.

устройстве. Этот вопрос довольно слабо освещен в работах не только Банисадра, но и других авторов, рассмотренных в этом разделе.

У Банисадра можно найти рассуждения о роли имама, возглавляющего перманентную революцию и выглядящего как ничем не ограниченный правитель. Тем не менее, Банисадр не встает на позиции веляят-е факих, пытаясь обосновать ограничения власти имама.^[1] Он говорит о недопустимости «религиозного деспотизма».^[2] Показательно, что в эмиграции Банисадр занял однозначную позицию по отношению к реализации веляят-е факих в Иране. В книге «*Le complot des ayatollahs*» Банисадр утверждает, что изначальный идеал революции заключался в установлении демократического строя под лозунгом возвращения ко временам Пророка, звучали даже призывы к созданию советов, а Хомейни и его окружение предали революционную идею, установив «диктатуру мулл».^[3] Революция не смогла обеспечить демократизацию страны, а Исламская республика воспроизвела шахский деспотизм под эгидой духовенства.^[4] Не доживший до этих событий Талегани также пытался определить место духовенства в политической системе: подробно описывая преимущества образованных исламских ученых как выразителей исламских представлений об общественном идеале, он, однако, соглашается с правом народа выбирать политическую власть и даже называет конституционализм, демократию и социализм «последовательными шагами к исламскому идеалу».^[5]

Левые идеологи Исламской революции, безусловно, подробно рассмотрели целый спектр проблем, оставшихся слабо освещенными в трудах их оппонентов. Более внимательное отношение к экономическим вопросам, современным направлениям социологии и философии позволили снять многие противоречия исламской политической идеологии, но вместе с тем породили новые противоречия, вызванные эклектичным сочетанием марксистского подхода и идеалистического мировоззрения. Намеченный левыми теоретиками образ альтернативной модернизации нацелен в будущее. Обращаясь к исламу, они продолжают говорить языком модернистского дискурса, постулирующего эгалитарные и демократические идеалы. С одной стороны, это придавало их идеям невероятную популярность, с другой стороны, не став ни светскими социалистами, ни религиозными фундаменталистами, они оказались обречены на интеллектуальную борьбу за первенство в определении сущности исламской идеологии, которая во время революции продолжилась в политическом поле и была ими проиграна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исламская революция в Иране поистине потрясла сообщество западных интеллектуалов. Несмотря на то, что Исламская республика под руководством аятоллы Хомейни была установлена в результате народных выступлений, обернувшихся революцией, она совершенно

[1] Там же, с. 389.

[2] Там же, с. 402.

[3] Цит. по Bani Sadr Abol Hassan. My turn to speak: Iran, the revolution & secret deals with the U.S. – BRASSEY'S (US) Inc., 1991 – С. 2.

[4] Там же, с. 220.

[5] Dabashi Hamid. Theology of discontent: the ideological foundations of the Islamic Revolution in Iran. – N.Y.: New York University Press, 1993. – С. 233.

не соответствовала критериям прогрессивных изменений. В отличие от многих разочарованных авторов, дважды побывавший в Тегеране в 1978 году Мишель Фуко с симпатией отнесся к выступлениям начального этапа революции, за что позднее подвергался острой критике французских интеллектуалов. Что именно привлекло его в опыте Исламской революции? По словам историка Бехруза Гамари-Табризи, французский философ «попытался увидеть революцию как явление своей истории и, в то же время, как явление, которое бросает ей вызов».^[1] Именно двойственность Исламской революции по отношению к категориям модерна и прогресса лежит в основе этой трактовки и определяет сущность современных дискуссий о событиях конца 1970-х в Иране.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью сказать, что двойственный характер Исламской революции уходит корнями в предреволюционные десятилетия и непосредственно связан с полемикой между иранскими мусульманскими интеллектуалами. Объективные противоречия «белой революции» и периферийный характер развития Ирана предопределили антиколониальную повестку и поиск альтернатив вестернизации. «Антизападный» пафос пронизывает тексты основных теоретиков Исламской революции, но

именно вопрос об альтернативе разделил два господствующих дискурса исламской идеологии. Представители первого призывали к перестройке общественной жизни всего исламского мира в соответствии с исламской традицией и предлагаемым ими образом исламского правления. Логическим завершением этого образа была концепция вelayat-e faqih, сформулированная аятоллой Хомейни. Представители левого фланга исламской мысли сформулировали более демократический образ преобразования, нацеленный на пересмотр сложившихся социальных отношений под социалистическими лозунгами. Ключевой ориентир их программы революционного освобождения — исламский идеал, но трактуемый как образец бесклассового общества. Несмотря на приверженность шиитской традиции и неприятие западного варианта модернизации представителей обоих направлений идеологов Исламской революции, сформулированный ими образ будущего был напрямую связан с модернистскими подходами и различался ответами на вопросы, поставленные «западными» теориями. В этом состоит одно из главных противоречий образа модернизации в работах исламских революционеров, и, как следствие, противоречие самой революции.

[1] Ghamari-Tabrizi Behrooz. Foucault in Iran: Islamic Revolution after the Enlightenment. — Minneapolis: University of Minnesota Press. 2016 – С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем (пути и формы революционного процесса). М.: «Наука», 1981. – 271 с.

2. Али Шариати. Красный шиизм – религия мученичества. Черный шиизм – религия траура. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/ali-shariati-krasnyj-shiizm-religiya-muchenichestva-chnyj-shiizm-religiya-traura/?ysclid=lk34rqpl0799196046> (дата обращения: 28.07.2023).

3. Алиев С.М. История Ирана. XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 648 с.
4. Аятолла Хомейни. Правление факиха (исламское правление). – Тегеран: Институт по сбору и изданию трудов имама Хомейни, Отдел международных связей, 2006.
5. Виноградов В.М. Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране. — «Алисторус», 2016 – 400 с.
6. Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. — М.: «Садра», 2017. – 400 с.
7. Михель Д.В. «Красный шиизм» Али Шариати: философия и исламская революция в Иране. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. — 2021. – №3. – С. 48-66.
8. Последняя воля имама Хомейни: Духовно-политическое завещание. Ч. 2. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979 – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-homejini-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-2/> (дата обращения: 27.07.2023).
9. Последняя воля имама Хомейни: Духовно-политическое завещание. Ч. 5. // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979 – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-homejini-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-5/> (дата обращения: 27.07.2023).
10. Хорос В.Г., Мирский Г.И., Майданик К.Л. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. – М.: «Наука», 1996. – 336 с.
11. Ali Shariati. Iqbal: The 20th Century Reformer / Ed. by Laleh Bakhtiar // Chicago: ABJAD Book Designers and Builders, 2011. — URL: https://archive.bookfrom.net/ali-shariati/page,1,480544-iqbal-the_20th_century_reformer.html (дата обращения: 28.07.2023).
12. Ali Shariati. Fatima is Fatima. // The Shariati Foundation. – URL: <https://www.al-islam.org/fatima-fatima-ali-shariati> (дата обращения: 28.07.2023).
13. Ali Shariati. Our Expectations on the Muslim Woman. — URL: <https://www.al-islam.org/our-expectations-muslim-woman-ali-shariati> (дата обращения: 28.07.2023).
14. Bani Sadr Abol Hassan. My Turn to Speak: Iran, the Revolution and Secret Deals with the U.S. – BRASSEY'S (US) Inc., 1991. — 224 с.
15. Dabashi Hamid. Theology of Discontent: the Ideological Foundations of the Islamic Revolution in Iran. – N.Y.: New York University Press, 1993. — 644 с.
16. Ghamari-Tabrizi Behrooz. Foucault in Iran: Islamic Revolution after the Enlightenment. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. — 272 с.

17. Murtadha Mutahhari. Western Nationalism and Islamic Nationhood / пер. Sayyid Wahid Akhtar // Al-Tawhid Islamic Journal. — 2014. — Vol. 5, №3-4. — URL: <https://www.al-islam.org/al-tawhid/vol5-n3-4/western-nationalism-and-islamic-nationhood-murtadha-mutahhari> (дата обращения: 25.07.2023).

18. Sayyid Mahmud Taleqani. Islam and Ownership. — URL: <https://www.al-islam.org/islam-and-ownership-sayyid-mahmud-taleqani> (дата обращения: 28.07.2023).

19. The Official Website of Ayatollah Khamenei. — URL: <https://english.khamenei.ir/news/9945/Inspired-by-Islam-the-Islamic-Republic-opposes-arrogance-and> (дата обращения: 23.07.2023).

20. سازمان مجاهدین خلق ایران / [People's Mojahedin Organization of Iran]. — URL: <https://leader.mojahedin.org/i/news/52579> (дата обращения: 25.07.2023).

REFERENCES

1. Agaev S.L. Iran v proshlom i nastoyashchem (puti i formy revolyucionnogo processa) [Iran in the Past and Present (Ways and Forms of the Revolutionary Process)]. — Moscow: Nauka [Science], 1981. — 271 p.

2. Ali Shariati. Iqbal: The 20th Century Reformer / Ed. by Laleh Bakhtiar // Chicago: ABJAD Book Designers and Builders, 2011. — URL: https://archive.bookfrom.net/ali-shariati/page,1,480544-iqbal-_the_20th_century_reformer.html (accessed: 28.07.2023).

3. Ali Shariati. Fatima is Fatima // The Shariati Foundation. — URL: <https://www.al-islam.org/fatima-fatima-ali-shariati> (accessed: 28.07.2023).

4. Ali Shariati. Krasnyj shiizm – religiya muchenichestva. Chernyj shiizm – religiya traurya. [Red Shi'ism vs. Black Shi'ism] // Islamskaya revolyuciya. Vchera. Segodnya. Zavtra. 1979. — URL: <https://iran1979.ru/ali-shariati-krasnyj-shiizm-religiya-muchenichestva-chernyj-shiizm-religiya-traurya/?ysclid=lk34rqpl0799196046> (accessed: 28.07.2023).

5. Ali Shariati. Our Expectations on the Muslim Woman. — URL: <https://www.al-islam.org/our-expectations-muslim-woman-ali-shariati> (accessed: 28.07.2023).

6. Aliev S.M. Istoriya Irana. XX vek. [The History of Iran. 20th Century]. — Moscow: In-t vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]: Kraft+. 2004. — 648 p.

7. Ayatolla Homejni. Pravlenie fakiha (islamskoe pravlenie). [Islamic Government: Governance of the Jurist] / Ayatollah Khomeini – Tehran: Institut po sboru i izdaniyu trudov imama Homejni, Otdel mezhdunarodnyh svyazej, [The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works], 2006.

8. Bani Sadr Abol Hassan. My Turn to Speak: Iran, the Revolution and Secret Deals with the U.S. – BRASSEY'S (US) Inc., 1991. — 224 p.

9. Dabashi Hamid. *Theology of Discontent: the Ideological Foundations of the Islamic Revolution in Iran*. – N.Y.: New York University Press, 1993. — 644 p.
10. Ghamari-Tabrizi Behrooz. *Foucault in Iran: Islamic Revolution after the Enlightenment*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. — 272 p.
11. Gibadullin I.R. Murtadha Mutahhari i Islamskaya revolyuciya v Irane. [Murtadha Mutahhari and the Islamic Revolution in Iran]. — «Sadra», 2017. – 204 p.
12. Horos V.G., Mirskij G.I., Majdanik K.L. *Avtoritarizm i demokratiya v razvivayushchihsya stranah*. [Authoritarianism and Democracy in Developing Countries]. – Moscow: «Nauka», 1996. – 336 p.
13. Mikhel D.V. «Krasnyj shiizm» Ali SHariati: filosofiya i islamskaya revolyuciya v Irane. [«Red Shi'ism» of Ali Shariati: a philosophy of «Median School» and the Islamic Revolution in Iran] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9: Vostokovedenie i afrikanistika*. [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series. 9: Oriental and African Studies] — 2021. — №3. – PP. 48-66.
14. Murtadha Mutahhari. *Western Nationalism and Islamic Nationhood*. / Tr. by Sayyid Wahid Akhtar // *Al-Tawhid Islamic Journal*. — 2014. — Vol. 5, №3-4. – URL: <https://www.al-islam.org/al-tawhid/vol5-n3-4/western-nationalism-and-islamic-nationhood-murtadha-mutahhari> (accessed: 25.07.2023).
15. Sayyid Mahmud Taleqani. *Islam and Ownership*. — URL: <https://www.al-islam.org/islam-and-ownership-sayyid-mahmud-taleqani> (accessed: 28.07.2023).
16. The Official Website of Ayatollah Khamenei – URL: <https://english.khamenei.ir/news/9945/Inspired-by-Islam-the-Islamic-Republic-opposes-arrogance-and> (accessed: 23.07.2023).
17. *Poslednyaya volya imama Homejni: Duhovno-politicheskoe zaveschchanie. Part 2*. [The last will of Imam Khomeini: Spiritual and political testament.] // *Islamskaya revolyuciya. Vchera. Segodnya. Zavtra*. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-xomejni-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-2/> (accessed: 27.07.2023).
18. *Poslednyaya volya imama Homejni: Duhovno-politicheskoe zaveschchanie. Part 5*. [The last will of Imam Khomeini: Spiritual and political testament.] // *Islamskaya revolyuciya. Vchera. Segodnya. Zavtra*. 1979. – URL: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-xomejni-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-5/> (accessed: 27.07.2023).
19. Vinogradov V. M. *Nash Blizhnij Vostok. Zapiski sovetskogo posla v Egipte i Irane* [Our Middle East. Notes of the Soviet Ambassador to Egypt and Iran]. / Vinogradov V. M. — «Alistorus», 2016. — 400 p.
20. سازمان مجاهدین خلق ایران / [People's Mojahedin Organization of Iran]. – URL: <https://leader.mojahedin.org/i/news/52579> (accessed: 25.07.2023).

Ключевые аспекты сотрудничества Ирана и стран Африки

*Грачева Алиса Максимовна, Круглов Ярослав Алексеевич,
Паппинен Иван Евгеньевич, Шамраев Роман Алексеевич*

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 4 курс

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются динамика и перспективы отношений Исламской Республики Иран (ИРИ) и африканских государств. Актуальность исследования обусловлена тем, что с приходом к власти в Иране в августе 2021 года администрации президента И. Раиси возникли перспективы существенной корректировки внешнеполитического курса Ирана, в связи с чем Африка стала одним из перспективных направлений внешнеполитической деятельности Исламской Республики. В первой части работы даны краткий экскурс в историю связей ИРИ со странами Африки с 1979 г. и обзор современного состояния отношений. Далее выявлены взаимные интересы сторон, проанализированы факторы, способствующие и препятствующие расширению взаимодействия. Рассмотрены позитивный и негативный сценарии развития отношений в краткосрочной перспективе. Для составления наиболее полного мнения по изучаемому вопросу авторы постарались затронуть широкий спектр факторов ирано-африканского взаимодействия. Были задействованы различные по региону происхождения источники (иранские, африканские,

арабские, западные, российские), что позволяет взглянуть на проблему с различных позиций и представить наиболее объективную оценку дальнейшего взаимодействия государств. Утверждается, что наиболее сильное влияние на состояние и перспективы отношений Ирана и Африки оказывают их экономический, политический и идеологический аспекты, а также вопросы безопасности. Также показано, что Иран на сегодняшний день делает акцент на политическом и религиозном продвижении в Африке, в то время как африканские государства более всего заинтересованы в экономическом сотрудничестве с ИРИ. Проведенный анализ позволяет констатировать, что развитие ирано-африканских отношений имеет большее значение для Ирана, чем для его африканских партнёров. Несмотря на определенные выгоды, которые стороны могут извлечь в результате сотрудничества, существенный рывок на данном поле в ближайшие годы маловероятен, что связано как с неоднозначными элементами иранского проникновения в Африку, так и конкурентными преимуществами соперников Ирана, их большей привлекательностью для африканских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран; Африка; экономическое сотрудничество; исламский фактор; исламская революция.

Key Aspects of Cooperation Between Iran and African States

*Alisa M. Gracheva, Yaroslav A. Kruglov,
Ivan E. Pappinen, Roman A. Shamraev*
MGIMO University
School of International Relations, 4th Year

ABSTRACT

The article studies the dynamics and prospects of relations between the Islamic Republic of Iran and African states. The study is relevant due to the fact that since 2021 (when President Ebrahim Raisi came to power in Iran) Africa has become one of the promising directions of Iran's foreign policy. The first part of the paper gives a brief outline of relations between Iran and African countries since 1979 and an overview of the current state of affairs. Then, the mutual interests of the parties are identified, and the factors contributing to and hindering the interaction are analyzed. The article considers positive and negative scenarios for the development of relations in the short term. In order to provide a comprehensive view on the issue studied, the authors have analyzed a wide range of factors in Iran-Africa interaction. Different sources (Iranian, African, Arab,

Western, and Russian) were used to address the issue from different perspectives. Iran-Africa relations and its development are influenced most by the economic, political, ideological and security aspects. It is shown that Iran today emphasizes political and religious advancement in Africa, while African states are mostly interested in economic cooperation with Iran. The article suggests that the development of Iran-Africa relations is more important for Iran than for its African partners. Despite certain benefits that the parties may derive from the cooperation, a significant breakthrough in this field in the coming years is unlikely, which is due to both the ambiguous elements of Iranian activities in Africa and competitive advantages of Iran's rivals and their greater attractiveness to African states.

KEYWORDS

Iran; Africa; economic cooperation; Islamic factor; Islamic Revolution.

Несмотря на то, что африканское направление занимает далеко не центральное место во внешней политике Ирана, забывать о его существовании нельзя. Контакты между государствами, существовавшими на территории современного Ирана, и Африканским континентом, особенно его севером и востоком, имели место издревле. После долгого периода крайне ограниченных связей, связанного с ослаблением персидской монархии и колонизацией Африки, процесс активного появления на карте мира независимых африканских государств в третьей четверти XX века дал толчок установлению межгосударственных отношений между ними и шахским Ираном. С тех пор данные отношения развиваются в основном в положительном ключе, хотя время от времени имеют место конфликты Ирана (с 1979 г. — Исламской Республики Иран, ИРИ) с отдельными государствами Африки. Цель исследования сводится к оценке динамики отношений ИРИ и африканских стран. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

1. Рассмотреть отношения ИРИ и Африки в исторической перспективе;
2. Проанализировать ключевые аспекты деятельности Ирана в Африке, а также текущее состояние ирано-африканских отношений;
3. Выявить интересы и приоритеты Ирана и африканских стран, которые стороны стремятся реализовать путем взаимодействия;

4. Обнаружить факторы, препятствующие развитию связей Ирана и Африки.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИРАНА И АФРИКИ

До Исламской революции 1979 г. отношения Ирана и Африки носили ограниченный характер. Шах Мохаммед Реза Пехлеви оказывал поддержку африканским странам, сотрудничавшим с США^[1], в том числе режимам апартеида в Южно-Африканской республике и Зимбабве. Дипломатические и торговые связи с этими странами были крепки, однако этот факт отрицательно сказывался на отношениях Ирана с остальными государствами Африки, поскольку Иран таким образом стоял на стороне колониализма, что воспринималось другими африканскими государствами в негативном ключе.^[2] Победа Исламской революции в Иране привела к кардинальной смене внешнеполитических принципов и ориентиров государства. В первые годы существования ИРИ вследствие господства принципа «Ни Запад, ни Восток», а также приоритетного внимания руководства страны к ирано-иракской войне и внутренним проблемам, объем отношений с Африкой даже снизился по сравнению с шахским периодом. При этом на первых порах новая власть Ирана считала экспорт исламской революции важнейшей целью своей внешней политики. Как отмечает Мехди Санаи, специалист в области международных отношений и бывший Чрезвычайный и полно-

[1] Полонский И. Исламская революция в Иране. «Красный сектор» // Военное обозрение. — 01.04.2015. — URL: <https://topwar.ru/72007-islamskaya-revoljuciya-v-irane-krasnyy-sektor.html> (дата обращения: 23.03.2022).

[2] Богуславский А. Найти свою нишу в Африке: ближневосточный и азиатский опыт // РСМД. — 13.11.2017. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nayti-svoyu-nishu-v-afrike-blizhnevostochnyy-i-aziatskiy-opyt/> (дата обращения: 23.03.2022).

мочный посол Исламской Республики Иран в России, подобный «революционный пыл» всегда возникает на некоторое время при смене общественного строя.^[1] Кроме того, фактическая международная изоляция страны вынуждала руководство Ирана искать новых союзников. Связи Исламской Республики с африканскими странами строились в основном на двусторонней основе, на тот момент систематизировать эти отношения было непросто: Иран только начинал развивать контакты с внешним миром.^[2] После начала ирано-иракской войны политика Ирана в Африке была направлена на ограничение влияния в регионе ближневосточных держав, включая Ирак, Саудовскую Аравию и Израиль.^[3] В 1980-е гг. президент Ирана Али Хаменеи совершил серию визитов в африканские страны, в ходе которых он давал разъяснения африканским коллегам о курсе на экспорт исламской революции и о роли Ирана в международном порядке.^[4] Одновременно Иран осуществлял проекты строительства и развития на континенте через Джихад-е Сазандеги — организацию, созданную после революции для оказания помощи «угнетенным» общинам по всему миру.^[5]

В 1990-е годы политика экспорта исламской революции не получила широкого продолжения, Иран стал развивать исламизацию с «опорой на собственные силы», укрепляя свои связи с внешним миром с меньшим фокусом на распространение своих идей в другие страны.^[6] Сама Африка с сомнением относилась к Ирану как к надежному партнеру из-за его идеи экспорта исламской революции, но увидев снижение его активности в этом направлении, африканские страны пошли навстречу Ирану.^[7] После войны с Ираком Иран вознамерился установить более широкие партнерские отношения с Африканским континентом в области безопасности и обороны из-за американской политики «двойного сдерживания» Ирана и Ирака. Это выражалось в поддержке контактов с африканскими партиями ислама, экспорте вооружения на континент. Иран сотрудничал с партиями «ПАГАД» и «Кибла» в ЮАР^[8], «Партией возрождения» в Тунисе, «Аль-Адль аль-Ихсан» в Марокко, «Исламской партией» Кении.^[9] Тегеран стремился к тому, чтобы в ответ на реализацию проектов в области развития экономических отношений в Африке континент поддержал бы иранскую

[1] Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. — 10.03.2006 — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-irana-mezhdu-istoriej-i-religiej/> (дата обращения 26.03.2022).

[2] Юртаев В.И. Африка во внешней политике Ирана / В.И. Юртаев, А.К. Воронков // Африка: основания для нового старта : ЕЖЕГОДНИК. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2011. — С. 222.

[3] Keynouth B. Revolutionary Iran's Africa policy. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — P. 9.

[4] Sadri S., Sarkhanov T. Iran's public diplomacy and religious soft power in Africa / Sayyad Sadri // Politics and religion journal. — 2023. — 17(12). — P. 418. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN'S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (дата обращения: 19.03.2024).

[5] Созидательный джихад // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. — 22.04.2020. — URL: <https://iran1979.ru/sozidatelnyj-dzhixad/?ysclid=lt5x19w47871520856> (дата обращения: 18.03.2024).

[6] Sadri S., Sarkhanov T. Iran's public diplomacy and religious soft power in Africa / Sayyad Sadri // Politics and religion journal. — 2023. — 17(12). — P. 418. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN'S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (дата обращения: 19.03.2024).

[7] Is Iran "Retuning" Its Relations with the African Continent? // Jerusalem Center for Public Affairs. — 2023. — URL: <https://jcpa.org/is-iran-retuning-its-relations-with-the-african-continent/> (дата обращения: 19.03.2024).

[8] Быстров А.А. О радикальных исламистских организациях ЮАР // Институт Ближнего Востока. — 17.12.2015. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=26928&ysclid=lt5yuidgr390691605> (дата обращения: 18.03.2024).

[9] Исламский экстремизм и терроризм // Политический атлас современности. — 2024. — URL: <https://www.hyno.ru/tom4/722.html?ysclid=lt5y79lbq1c293242766> (дата обращения: 18.03.2024).

ядерную программу. Иран продвигал модель «ядерного единства» в развивающемся мире. Данное предложение заключалось в том, чтобы поставлять африканский уран в Иран, дабы ослабить влияние международных санкций на Тегеран. Однако добыча урана в Африке контролировалась США, поэтому продажа радиоактивных материалов Тегерану была ограничена.

Подобное развитие событий не повернуло вспять расширяющееся сотрудничество между Ираном и Африкой. Анализ динамики отношений в 1990-е годы показывает, что в 1991 и 1996 г. президент Исламской Республики Рафсанджани посещал Африку, чтобы укрепить послевоенные экономические отношения между партнерами.^[1] Глава государства нанес визит в Судан, Кению, Уганду, Зимбабве, Южную Африку и Танзанию. Результатом этих поездок стало увеличение количества иранских посольств с девяти до двадцати, создание филиала Иранского общества Красного Креста, медицинских клиник, культурных исламских центров по всему континенту^[2], заключение двустороннего инвестиционного договора с ЮАР.^[3]

С приходом к власти Мохаммеда Хатами в 1997 году темпы развития связей с Африкой приостановились^[4], и только в 2005 году, подходя к заключительному этапу своего президентства, Хатами совершил визит в семь

стран Африканского континента: Нигерию, Сенегал, Сьерра-Леоне, Мали, Бенин, Зимбабве и Уганду. Он посетовал на то, что его администрация мало внимания уделяла отношениям с Африкой. Более того, падение цен на нефть в период нахождения у власти Хатами заставило Тегеран закрыть ряд посольств: в Анголе, ЦАР, Судане, Мозамбике.^[5] Следовательно, можно было констатировать снижение уровня отношений между государствами.

В 2005 году президентом Ирана стал Махмуд Ахмадинежад, с деятельностью которого связано активное развитие контактов с Африкой. В этот период Совет Безопасности ООН наложил санкции на Исламскую Республику Иран из-за ее ядерной программы, и, чтобы не допустить блокады в международных отношениях, Иран начал искать союзников в развивающихся странах. Помимо этого, дальнейшие действия были предприняты потому, что Иран стремился получить африканский уран для своей ядерной программы. В 2006 г. иранский президент стал почетным гостем на саммите Африканского союза в Гамбии. Через два года на аналогичном мероприятии в египетском Шарм-эль-Шейхе было объявлено об установлении отношений стратегического партнерства между Ираном и Африкой.^[6] Махмуд Ахмадинежад ежегодно посещал африканские страны, а визитов

[1] Iran is a true friend of Africa: Rafsanjani // Mehr news agency. — 07.02.2007. — URL: <https://en.mehrnews.com/news/22165/Iran-is-a-true-friend-of-Africa-Rafsanjani> (дата обращения 26.03.2022).

[2] Shahvar S. Iran's global reach: The Islamic Republic of Iran's policy, involvement, and activity in Africa. // Digest of Middle East Studies. — 2020. — Vol. 29, № 1. — P. 53-75. — URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2472/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=48&sid=a02932af-2407-4646-880e-fd7a0a421ba7%40redis> (дата обращения: 19.03.2024). — Режим доступа: по подписке.

[3] Iran, Islamic Republic of - South Africa BIT // UNCTAD. Investment Policy Hub. — 1997. — URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/1657/download> (дата обращения: 19.03.2024).

[4] Попов А. «Второй фронт Ирана»: битва за Африку // Maxpark. — 01.12.2012 — URL: <https://maxpark.com/community/politic/content/1686070> (дата обращения 24.03.2022).

[5] Iranian Diplomatic Missions in Africa // Embassies: сайт. — URL: <https://embassies.net/iran-in-africa> (дата обращения: 19.03.2024).

[6] Богуславский А. Найти свою нишу в Африке: ближневосточный и азиатский опыт // РСМД. — 13.11.2017. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nayti-svoyu-nishu-v-afrike-blizhnevostochnyy-i-aziatskiy-opyt/> (дата обращения: 23.03.2022).

на уровне министров иностранных дел состоялось в период его президентства более двадцати. К 2010 году — к моменту проведения в Тегеране Ирано-африканского форума, в котором приняли участие более сорока государств Африки — основные проекты Ирана на континенте включали в себя: проекты по поставке нефти и воды в Кению; создание совместной ирано-зимбабвийской инвестиционной компании; строительство нефтеперерабатывающего завода в Уганде; поставка иранских тракторов в Сенегал.^[1] Доля африканских проектов в Иранской компании зарубежных инвестиций к 2010 г. составила 22%. Африка активно поддерживала идеи сближения с Ираном, что позволяло ей расширять свое дипломатическое влияние в мире.

Однако политические оппоненты Тегерана, наблюдая успешные темпы развития отношений Африки и Ирана, приняли контрмеры, которые оказали влияние на Исламскую Республику Иран. Так, в 2010 г. африканские члены СБ ООН проголосовали «за» внеочередной пакет санкций против Исламской Республики.^[2] Несмотря на то, что санкции против Тегерана были сняты в 2015 г., ещё сохранялись противоречия суннитов и шиитов, вызванные событиями в Йемене, ирано-саудовским противостоянием, поэтому ряд африканских стран разорвал дипломатические отношения с Ираном (Сомали, Джибути, Судан).^[3] Но государства Северной и Западной Африки не

желали портить отношения с Ираном. Наоборот, в период правления Хасана Роухани министр иностранных дел Джавад Зариф совершил пять визитов в страны континента, во время этих приемов обсуждались сирийское урегулирование, катарский кризис и перспективы улучшения торгово-экономических связей.

В целом, если до прихода к власти Роухани Иран планомерно наращивал отношения со странами Африки, то правительство Роухани было больше сосредоточено на обсуждении с державами СБ ООН ядерной сделки, поэтому Африка во внешней политике Ирана утратила значимость, внимание к континенту уделялось преимущественно на концептуальном уровне.^[4] Но Иран рассматривает Африку в парадигме коммерциализации отношений, то есть Африканский континент должен стать одним из главных торговых партнеров Тегерана. При президенте Ирана Ибрагиме Раиси вновь стал наблюдаться рост деятельного внимания Ирана к Африке.^[5]

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРАНА И АФРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Нередко активизация усилий на африканском направлении рассматривается той или иной страной континента как способ противостояния усиливавшемуся санкционному давлению. Иран в данном случае не является исключением. В 2018 году

[1] Шабири Дж. Иран на «черном» ... континенте // Российское информационное агентство Iran.ru. — 05.05.2012. — URL: https://www.iran.ru/news/analytics/80363/Iran_na_chernom_kontinente (дата обращения: 24.03.2022).

[2] Chimarizeni F. Relações Irã-África: oportunidades e perspectivas para o Irã // Revista Brasileira de Estudos Africanos. — 2017. — Vol. 2, № 3. — P. 38-52.

[3] McAnney A. Iran in Africa // Center for Security Policy. — 2014. — URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Iran-in-Africa.pdf> (дата обращения 24.03.2022).

[4] Bagheri R. A Key Principle or a Key Partner? The Islamic Republic of Iran's Foreign Policy towards Africa // Journal of World Sociopolitical Studies. — 2021. — Vol. 5, №3. — P. 489. — URL: <https://doi.org/10.22059/wsps.2022.328449.1236>

[5] Тегеран погнался за Африкой // Коммерсант. — 13.07.2023. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6098526> (дата обращения 21.03.2024).

США вышли из ядерной сделки с Ираном и анонсировали введение экономических санкций «самого высокого уровня».^[1] Это побудило правительство Исламской Республики, помимо прочих внешнеполитических мер, стремиться к расширению сотрудничества с африканскими государствами. Рассмотрим динамику отношений за 2018 – 2024 гг. по ключевым параметрам.

Дипломатическое присутствие. После 2018 года в отношениях Ирана с африканскими странами отмечается прогресс в области укрепления дипломатических связей. Одним из ярких свидетельств заинтересованности иранского правительства стали визиты на континент министра иностранных дел Исламской Республики Мохаммада Джавада Зарифа, посетившего в 2015 – 2023 гг. Тунис, Уганду, Алжир, Ботсвану, Эфиопию, ЮАР и другие страны^{[2],[3]}. В 2023 уже сам Эбрахим Раиси посетил Кению, Уганду и Зимбабве, что стало первым визитом президента Ирана на Африканский континент за последние десять лет. На сегодняшний день Иран имеет посольства в двадцати двух африканских государствах.^[4]

Безопасность и военно-техническое сотрудничество. Отношения Ирана и Африки имеют большое значение для безопасности обеих сторон. В начале 2021 года Тегеран подтвердил, что его стратегические военно-морские силы будут защищать интересы страны за пределами республики, что

означало возобновление военно-морских операций, направленных на защиту безопасного судоходства, борьбу с пиратством и терроризмом. Для осуществления подобных мероприятий необходим доступ в порты африканских государств, вследствие чего Иран проводил регулярные переговоры с африканскими странами по данному вопросу.^[5] Кроме того, возможность активных действий флота в Красном море и в Атлантическом океане у западной части континента является важнейшим элементом оборонительной стратегии Ирана. Для африканских партнеров наиболее выгодным аспектом сотрудничества с Исламской Республикой в области безопасности представляется деятельность по борьбе с терроризмом. Деятельность по противодействию терроризму и иные мероприятия, благоприятно отражающиеся на защищенности Африканского континента, позволяют Ирану укреплять своё влияние на африканских мусульман, однако стоит признать, что страны континента предпочитают иметь более тесные связи в области безопасности с другими государствами.

Торговля и инвестиции. В настоящее время Иран нацелен на увеличение экспорта в африканские страны. В январе 2023 г. были открыты торговые представительства Ирана в восьми странах Африки: Кении, Уганде, Танзании, Кот-д'Ивуаре, Гане, Камеруне, Сенегале, Нигерии, Алжире и ЮАР.

[1] США выходят из ядерной сделки с Ираном // ТАСС. — 08.05.2018 — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5185833> (дата обращения 23.03.2022).

[2] Keynoush B. Revolutionary Iran's Africa policy. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — P. 22-23.

[3] Iran, South Africa Agree to Facilitate Trade, Investment Cooperation // Sputnik. — 10.08.2023. — URL: <https://en.sputniknews.africa/20230810/iran-south-africa-agree-to-facilitate-trade-investment-cooperation-1061230691.html> (дата обращения 20.03.2024).

[4] List of Iran Embassies in Africa // Embassies: сайт. — URL: <https://embassies.net/iran-embassy> (дата обращения 20.03.2024).

[5] Ibid. P.19.

Данному шагу предшествовала активная работа по повышению интереса к иранским товарам: в 2022 г. Иран провёл в Африке четыре выставки и обменялся с африканскими государствами более чем ста бизнес-делегациями.^[1] В марте 2023 г. в Тегеране прошёл первый саммит Ирана и стран Западной Африки, посвящённый экономическому и научному сотрудничеству.^[2]

Усилия приносят свои плоды — с марта 2022 г. по январь 2023 г. товарооборот Ирана и Африки вырос на 19% и составил \$1,18 млрд. За эти десять месяцев Иран экспортировал в 45 африканских стран товаров на \$1,1 млрд. Основу экспорта составили продукты питания, цемент, лекарства, медицинское оборудование и косметика.^[3]

В рамках торгового взаимодействия пока не удаётся сгладить существующие диспропорции. Во-первых, импорт Ирана из Африки значительно отстаёт от экспорта: в марте 2022 – январе 2023 г. он составил всего \$80 млн.^[4] Во-вторых, в общем объёме иранского экспорта (\$110 млрд^[5]) доля африканских стран по-прежнему незначительна и составляет примерно 1%. Иранское правительство осознаёт представленные дисбалансы и стремится если не выровнять их, то хотя бы сделать не столь разительными: по сведениям иранской торговой палаты, страна стремится довести ежегодный товарооборот с Африкой до

отметки в \$5 млрд. к 2025 г.^[6]

Несмотря на то, что Иран рассматривает Африку скорее как рынок для ненефтяного экспорта, Исламская Республика продолжает наращивать поставки метанола, сжиженного нефтяного газа. Экспорт нефти имеет особое значение для Ирана. В течение длительного периода экспорт нефти в Африку позволял поддерживать иранскую экономику, терпящую урон от санкций. Усиление укрепляющего воздействия торговли нефтью на экономику ИРИ достигалось за счёт сотрудничества с африканскими странами в рамках ОПЕК, в частности с Нигерией и Анголой, поскольку это позволяло осуществлять лоббистскую деятельность в целях поддержания высоких цен на нефть.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ

Развитие отношений с Африкой сулит Исламской Республике ряд ощутимых выгод. В первую очередь, диверсификация внешних связей и укрепление отношений с незападными странами позволит Ирану отойти от приоритетной внешнеполитической ориентации на Запад^[7], которую вполне обоснованно приписывали прежней администрации Х. Роухани. Это, в свою очередь,

[1] Iran opens 8 trade centers in Africa // Iran News: сайт. — 11.01.2023. — URL: <https://irannewsdaily.com/2023/01/iran-opens-8-trade-centers-in-africa/> (дата обращения 20.03.2024).

[2] Президент Ирана совершит турне по африканским странам // ТАСС: сайт. — 24.04.2023. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17590879> (дата обращения 20.03.2024).

[3] Iran Exports to Africa Up 100% // Tasnim News: сайт. — 10.07.2023. — URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/07/10/2923803/iran-s-exports-to-africa-up-100> (дата обращения 20.03.2024).

[4] Iran, Africa non-oil trade booming // World Ports Org.: сайт. — 13.02.2023. — URL: <https://www.worldports.org/iran-africa-non-oil-trade-booming/#:~:text=Latifi%20put%20the%20total%20Iran-Africa,the%20said%20period%2C%20Latifi%20said> (дата обращения 20.03.2024).

[5] Iran Exports // WorldBank Data. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=IR> (дата обращения 20.03.2024).

[6] Iran, Africa non-oil trade booming // World Ports Org.: сайт. — 13.02.2023. — URL: <https://www.worldports.org/iran-africa-non-oil-trade-booming/#:~:text=Latifi%20put%20the%20total%20Iran-Africa,the%20said%20period%2C%20Latifi%20said> (дата обращения 20.03.2024).

[7] Naeni A. Iran and Africa: Why Tehran will boost its ties with the continent under the Raisi administration // Middle East Institute. — 2021 — URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-and-africa-why-tehran-will-boost-its-ties-continent-under-raisi-administration> (дата обращения 08.03.2022).

расширит пространство для дипломатического маневра и укрепит международный имидж страны как независимого и самодостаточного игрока. Более того, заручившись политической поддержкой африканских государств, Иран рассчитывает обрести поддержку в лице их представителей в ООН и МАГАТЭ.^[1]

К более активному вовлечению в дела Африки Иран подталкивают также соображения безопасности. Это и необходимость борьбы с экстремистскими вооруженными формированиями^[2] (ИГИЛ, Аль-Каида — в РФ признаны террористическими организациями и запрещены), деятельность которых распространяется на различные регионы мира и угрожает безопасности самого Ирана, и стремление подорвать влияние стран-соперников на Африканском континенте: Саудовской Аравии, Турции, Израиля.^[3] Особый интерес для Ирана с точки зрения безопасности представляет Африканский Рог, так как военное присутствие здесь дает возможность контролировать важнейшие морские коммуникации в Красном море, а также поддерживать связь и снабжать дружественные и прокси-силы на Ближнем Востоке.^[4]

В-третьих, укрепление экономического сотрудничества с Африкой дает

Ирану возможность обойти санкции Запада, препятствующие внешней торговле страны. Для Ирана важно, с одной стороны, обеспечить рынки сбыта для продукции своей нефтяной и иной промышленности, с другой — получить уран для развития ядерной программы. В этом отношении ключевым партнером Ирана в Африке являлась и продолжает оставаться ЮАР^[5], однако Исламская Республика, несомненно, заинтересована в открытии новых рынков на африканском континенте.

Условия на Африканском континенте по ряду параметров благоприятны для иранского проникновения. Почти половина населения Африки — мусульмане (44%^[6]), что означает наличие общей ценностной системы координат и позволяет рассчитывать на возможность взаимопонимания между представителями двух культур.^[7] Иран эффективно реализует стратегию мягкой силы среди шиитских ливанских общин в странах Африки — в Кот-д'Ивуаре (100 тыс. представителей диаспоры), Сенегале (30 тыс.), Гвинее (3 тыс.), Мали (1 тыс.), Буркина-Фасо (1 тыс.).^[8] Исламская Республика также не обходится вниманием Нигерию, где шиитов насчитывается

[1] Lefebvre Jeffrey A. Iran's Scramble for Sub-Saharan Africa // Insight Turkey. — 2019. — Vol. 21, № 1. — URL: <https://www.insightturkey.com/article/irans-scramble-for-sub-saharan-africa> (дата обращения 24.03.2022).

[2] Keynoush B. Revolutionary Iran's Africa policy. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — P. 13.

[3] Heiback J. Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles // Middle East Policy. — 2020. — Vol. 27, № 2. — P. 69-80.

[4] Shahvar S. Iran's global reach: the Islamic Republic of Iran's policy, involvement and activity in Africa // Digest of Middle East Studies. — 2020. — №29. — P. 53-75. — URL: https://www.researchgate.net/publication/340178963_Iran%27s_global_reach_The_Islamic_Republic_of_Iran%27s_policy_involvement_and_activity_in_Africa (дата обращения 21.03.2024).

[5] Luedi J. Why Iran's nuclear program would not exist without South Africa // Asia by Africa. — 2018 — URL: <https://www.asiabyafrica.com/point-a-to-a/how-iran-nuclear-program-start> (дата обращения 07.03.2022).

[6] Population by religion // Find Easy — population and more.... : сайт. — URL: https://www.findeasy.in/africa-population-by-religion/#Religion_in_Africa_by_Percentage (дата обращения 21.03.2024).

[7] Shahvar S. Iran's global reach: The Islamic Republic of Iran's policy, involvement, and activity in Africa // Digest of Middle East Studies. — 2020. — Vol. 29, № 1. — P. 53-75.

[8] Bluy T., Marbot O., Sylvestre-Treiner A. Libanais d'Afrique : enquête sur une communauté discrète mais puissante // Jeuneafrique. — 28.03.2019. — URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/753058/politique/libanais-dafrique-enquete-sur-une-communaute-discrete-mais-puissante/> (дата обращения 20.03.2024).

от 4 до 13 млн.^[1] Использование религиозной риторики для популяризации образа Ирана среди населения сочетается с деятельностью исламских фондов, которые на благотворительных началах предоставляют помощь бедному населению в африканских странах.^[2] Далее, глубокая нетерпимость к любым формам колониализма в Африке, связанная колониальным угнетением большинства африканских государств в еще сравнительно недавнем прошлом, создает благоприятную почву для иранской антизападной пропаганды с акцентом на защите угнетенных. В этом отношении на руку Исламской Республике может сыграть опыт полуколониальной эксплуатации самого Ирана.

Что касается заинтересованности африканских государств в сотрудничестве с Ираном, некоторые из них могут извлечь выгоду из взаимодействия по линии безопасности. К ним относятся государства, как находящиеся в состоянии внутривосполитического раскола (Судан в 1980 – 2000-е), так и ведущие борьбу с экстремизмом и терроризмом (Алжир). Доказанная на практике высокая эффективность работ иранских структур безопасности (КСИР, включая подразделение Кудс) располагает африканские руководства в пользу привлечения именно иранских специалистов в этой области.^[3]

С экономической точки зрения, Африка остро нуждается в иностранных инвестициях для создания собственной производственной и соци-

альной инфраструктуры, обеспечения населения рабочими местами и т.д., поэтому иранские капиталовложения в основном приветствуются руководствами африканских государств и способствуют улучшению отношений. Иранские инвестиции выгодно отличает то, что Иран демонстрирует учет интересов партнера и не навязывает кабальные условия, связанные с дальнейшей реализацией проектов. Таким образом, Иран способствует укреплению хозяйственной самостоятельности стран-реципиентов инвестиций.^[4] Однако, как будет показано далее, экономический потенциал Ирана сегодня ввиду санкций сильно ограничен, что служит существенным препятствием для наращивания экономических связей Ирана и Африки.

Итак, при благоприятном стечении обстоятельств могут реализовываться значительные перспективы углубления и расширения ирано-африканских связей. Иран имеет значительный потенциал расширения политических связей со странами Африки, преимущественно в области безопасности и мягкой силы. Расширение политического взаимодействия укрепит положение как Ирана, так и африканских государств на международной арене. Сотрудничество по линии безопасности поможет успешно противостоять угрозам радикализма в Африке и стабилизации положения в ряде регионов. Наконец, на расширение связей позволяет рассчитывать текущая внутривосполитическая конъюнктура в Иране: новая

[1] Sadri S., Sarkhanov T. Iran's public diplomacy and religious soft power in Africa / Sayyad Sadri // Politics and religion journal. — 2023. — 17(12). — P. 418. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN'S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (дата обращения: 21.03.2024).

[2] Там же.

[3] Keynouth B. Revolutionary Iran's Africa policy. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — P. 14.

[4] Сравнивая экономическое проникновение Ирана и других стран в Африку, бывший президент Танзании Али Хасан Мвиньи отметил: «Если остальные страны дают нам рыбу, иранцы учат нас рыболовству». См.: Шабири Дж. Иран на «черном» ... континенте // Российское информационное агентство Iran.ru. — 05.05.2012. — URL: https://www.iran.ru/news/analytics/80363/Iran_na_chernom_kontinente (дата обращения: 24.03.2022).

администрация президента Раиси декларирует желание развивать отношения с незападными государствами, чтобы минимизировать зависимость страны от Запада.^[1]

ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИРАНО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Несмотря на наличие вышеперечисленных конкурентных преимуществ и политической воли для развития отношений с Африканским континентом у иранского руководства, ряд существенных обстоятельств создают естественный потолок развития отношений Ирана и стран Африки.

Важнейшим негативным фактором является сильная идеологизированность иранской политики в Африке. Во многих мусульманских государствах, но в Иране особенно в силу религиозного характера власти политика неразрывно связана с исламом^[2], поэтому внешнеполитическая повестка преломляется через призму религиозной идеологии. Особенно сильно это проявлялось в первые годы существования Исламской Республики Иран, когда на волне революционного одушевления активно обращалось к шиитскому прозелитизму и пропаганде иранской государственной модели «веляят-е факих» (правление исламского правоведа)

среди преимущественно суннитского населения африканских мусульман.^[3] Неудивительно, что такая политика отталкивала от Ирана правящие круги мусульманских африканских государств, видевших в этом угрозу стабильности положения в стране и своей власти. Так, например, интенсивная религиозно-пропагандистская деятельность Ирана в Сенегале привела к закрытию посольства Ирана в 1984 году.^[4] Сегодня Иран больше не облачает свою внешнюю политику в столь радикальную политико-религиозную риторику и отказался от идеи экспорта исламской революции, однако продолжает поощрять религиозный диалог и активно продвигает шиизм в странах Африки. Эта политика, помимо прочего, включает создание религиозных школ в Африке, направление туда исламских проповедников и учителей, а также привлечение африканских студентов для обучения в иранских медресе.

Важно упомянуть, что Иран широко поддерживал события Арабской весны 2011 года в мусульманских странах, однако в ходе этой поддержки были сделаны неосторожные высказывания, которые вызвали недовольство некоторых бывших союзников Ирана. В частности, Иран провел Первую Международную конференцию исламского возрождения в Тегеране 17 сентября 2011 года, в которой приняли участие около 600 человек из 80

[1] Об этом заявлял сам И. Раиси в своих предвыборных выступлениях, см.: سیاست خارجی دولت من، محدود به برجام نیست / امید و اعتماد برمی گردد: رئیسی در نشست خبری [Раиси на пресс-конференции: внешняя политика моего правительства не ограничивается СВПД / надежда и доверие возвращаются] // Mehr news agency. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5240980/> (дата обращения 20.03.2022).

[2] Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. — 10.03.2006 — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-irana-mezhdu-istoriej-i-religiej/> (дата обращения 26.03.2022).

[3] Например, одним из центров религиозного образования для иностранцев является Международный университет Аль-Мустафы (Джамия аль-Мусыфа аль-Аламия), основанный в 1979 году в городе Кум, с филиалами как внутри, так и за пределами Ирана. См.: Dai H. Al Mustafa University, Iran's global network of Islamic schools // Iranian American Forum. — 12.04.2016. — URL: <http://iranian-americans.com/irans-export-of-islamic-fundamentalism-al-mustafa-global-training-centers-2/> (дата обращения 23.03.2022).

[4] Leichtman Mara A. Revolution, modernity and (trans)national Shi'i Islam: rethinking religious conversion in Senegal // Journal of Religion in Africa. — 2009. — 39(3). — P. 329.

стран с мусульманским населением.^[1] Касем Сулеймани, бывший командующий силами «Аль-Кодс» КСИР, даже заявил, что геополитическая ситуация на Ближнем Востоке кардинально меняется в пользу Ирана и мы наблюдаем появление новых «иранских государств».^[2] Подобные формулировки были негативно восприняты как арабскими лидерами-суннитами, так и простыми людьми.

Важнейшую роль играет экономический фактор. Экономические возможности Ирана ограничены по сравнению с потенциалом других игроков на Африканском континенте. Сокращение притока иностранной валюты вследствие санкционного режима, высокая инфляция, отсутствие значительного избыточного капитала и сравнительно невысокий инновационный потенциал в ряде отраслей в Иране урезают его возможности инвестировать в экономику стран Африки. Особенно серьезный удар по экономике Ирана наносят санкции, наложенные государствами Запада, которые вынуждают руководство ИРИ обращать имеющиеся ресурсы для поддержки отечественной экономики.^[3] В этих условиях конкурирующие с Ираном государства, обладающие более сильной и устойчивой экономикой, получают преимущество, так как могут больше предложить странам Африки в экономическом отно-

шении. Экономический подъем Саудовской Аравии, активная политика президента Турции Эрдогана в Африке (политика «Opening to Africa») привлекает страны Африки большими перспективами реализации совместных проектов. Так, например, с 2003 года объем торговли Турции и Африканских стран достиг 18,8 млрд долларов, турецкий инвестиции в континент достигли 6 миллиардов долларов к 2018 году^[4]. В 2020 г. Саудовская Аравия реализовала идею создания Совета арабских и африканских государств, граничащих с Красным морем и Аденским заливом. Организация призвана способствовать укреплению сотрудничества, безопасности, стабильности, торговли и инвестиций в регионе^[5].

Конкуренты и враги Ирана (Израиль, США, Турция, Саудовская Аравия) проводят деятельность, направленную на ослабление влияния Ирана на Африканском континенте. Например, после начала войны в Йемене в 2015 году, в которой Иран поддержал хуситов, Судан — прежде ближайший союзник Ирана — получил от Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАПЗ) 2,2 миллиарда долларов США за участие в войне против хуситов и за разрыв отношений с Ираном.^[6] К тому же, Саудовская Аравия и ОАЭ настояли на

[1] Iran and the Arab Revolutions: Narratives Establishing Iran's Monopolism // Aljazeera media network. — 18.03.2017. — URL: <https://studies.aljazeera.net/ar/node/1510> (дата обращения 23.03.2022).

[2] Shahvar S. Iran's global reach: The Islamic Republic of Iran's policy, involvement, and activity in Africa. // Digest of Middle East Studies. — 2020. — Vol. 29, № 1. — P. 53-75. — URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2472/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=48&sid=a02932af-2407-4646-880e-fd7a0a421ba7%40redis> (дата обращения: 19.03.2024). — Режим доступа: по подписке.

[3] Sadri S., Sarkhanov T. Iran's public diplomacy and religious soft power in Africa / Sayyad Sadri // Politics and religion journal. — 2023. — 17(12). — P. 418. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN'S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (дата обращения: 19.03.2024).

[4] Latest Leg of Erdoğan's Africa Tour to Mark New Firsts // Daily Sabah. — 26.02.2018. — URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2018/02/26/latest-leg-of-erdogans-africa-tour-to-mark-new-firsts-1519595203> (дата обращения 22.03.2022).

[5] Saudi Arabia's King Salman discusses Red Sea, Gulf of Aden security with Eritrean president // Arab News. — 18.02.2020. — URL: <https://www.arabnews.com/node/1629286/saudi-arabia> (дата обращения 26.03.2022).

[6] Sudan gets \$2.2B for joining Saudi Arabia, Qatar in Yemen war // Al-Monitor. — 23.11.2015. — URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/11/sudan-saudi-arabia-war-yemen-houthi-economy.html#ixzz6AYD3AeAs> (дата обращения 22.03.2022).

том, чтобы отношения с Ираном разорвала Республика Джибути, к войне в Йемене были привлечены войска Эритреи и иранскому ВМФ запрещен доступ к порту Ассаб на территории Эритреи. В 2016 г. после разрыва отношений Саудовской Аравии и Ирана несколько мусульманских стран Африки – включая Судан, который до этого времени получал немалую помощь от Тегерана – также разорвали дипломатические отношения с Ираном.

Также развитию ирано-африканских отношений препятствуют определенные аспекты политики ИРИ в области безопасности. Хотя официально Иран не поддерживает радикальные исламистские группировки, на практике он поддерживает контакт с некоторыми радикальными группировками на континенте с целью продвижения своих интересов. Так, например, в 2018 году раскрылся факт участия Ирана в незаконных поставках древесного угля из Сомали в ОАЭ. Тем самым Иран поддерживает аффилированное с «Аль-Каидой»^[1] радикальное движение «Аш-Шабаб» (организация запрещена в РФ) — террористической организации в Сомали, с 2008 года ведущей ожесточенную борьбу против правительства, сформированного при поддержке США и Эфиопии. Факт подобного несоответствия официальной и реальной политики вызывает у африканских стран обоснованное недоверие к Ирану^[2]. Скрытые поставки Ираном оружия в Африку порой приводят к разрыву

отношений между странами. Так, например, в 2010 году Гамбия, ссылаясь на незаконные поставки оружия, разорвала дипломатические связи с Ираном, хотя до этого отношения между странами носили дружественный характер^[3].

Таким образом, в своей политике в Африке Иран делает акцент на политическое и религиозное влияние, в то время как африканские страны наиболее заинтересованы в сотрудничестве в области экономики и безопасности. Несовпадение приоритетов и ожиданий вкупе с усилением экономического присутствия Саудовской Аравии и Турции в Африке создает серьезные препятствия для активизации иранского проникновения в Африку. Важно, что ради сотрудничества с Ираном страны Африки не готовы отказаться от сотрудничества с партнерами, которые могут предложить им больше, чем Иран. Можно допустить, что при неблагоприятном стечении факторов будет происходить сворачивание отношений Ирана и африканских стран и окончательная политическая и экономическая переориентация последних на суннитские страны Залива, прежде всего, Саудовскую Аравию и Турцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отношения Исламской Республики Иран с африканскими странами, несмотря на то что стороны не являются ключевыми внешними партнерами друг для

[1] СМИ сообщили о содействии Ирана нелегальному экспорту угля из Сомали // Известия: сайт. — 14.10.2018. — URL: <https://iz.ru/800155/2018-10-14/smi-soobshchili-o-pomoshchi-irana-terroristam-v-somali> (дата обращения 22.02.2022).

[2] Moghadam A. Marriage of convenience: The evolution of Iran and al-Qa'ida's tactical cooperation // Combating terrorism center at West Point. — 2017. — Vol. 10, №4. — С. — URL: <https://ctc.usma.edu/marriage-of-convenience-the-evolution-of-iran-and-al-qaidas-tactical-cooperation/> (дата обращения 20.03.2022).

[3] Свидетельством конструктивного сотрудничества между Ираном и Гамбией до разрыва отношений служит, например, визит президента ИРИ М. Ахмадинежада в Гамбию в 2009 г. См.: Иран и Гамбия разорвали отношения // Новые известия: сайт. — URL: <https://newizv.ru/news/politics/23-11-2010/136840-iran-i-gambija-razorvali-otnosheniya> (дата обращения 24.03.2022).

друга, в целом носили и носят позитивный характер. Представляется, что расширение этих отношений имеет большее значение для Ирана, чем для Африки. Можно полагать, что при нынешней иранской администрации страна нарастит усилия по развитию связей с Африканским континентом. Успех подобной политики будет зависеть от многих факторов, в числе прочих – от привлекательности предложений Ирана, последовательности и непротиворечивости его внешнеполитического курса, активности

других внешних игроков в Африке и политической воли африканских лидеров. На наш взгляд, описанные выше негативные факторы имеют очень серьезное влияние на рассматриваемые отношения. Для успешного развития связей необходимо желание обеих сторон, в то время как указанные препятствия в значительной степени нейтрализуют стремление африканских стран к сближению с ИРИ, подталкивая их искать более перспективных и внушающих большее доверие партнеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский А. Найти свою нишу в Африке: ближневосточный и азиатский опыт // РСМД. — 13.11.2017. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nayti-svoyu-nishu-v-afrike-blizhnevostochnyy-i-aziatskiy-opyt/> (дата обращения: 23.03.2022).
2. Быстров А.А. О радикальных исламистских организациях ЮАР // Институт Ближнего Востока. — 17.12.2015. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=26928&ysclid=lty6yuidgr390691605> (дата обращения: 18.03.2024).
3. Исламский экстремизм и терроризм // Политический атлас современности. — 2024. — URL: <https://www.hyno.ru/tom4/722.html?ysclid=lty79lbq1c293242766> (дата обращения: 18.03.2024).
4. Полонский И. Исламская революция в Иране. «Красный сектор» // Военное обозрение. — 01.04.2015. — URL: <https://topwar.ru/72007-islamskaya-revoljuciya-v-irane-krasnyy-sektor.html> (дата обращения: 23.03.2022).
5. Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. — 10.03.2006 — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-irana-mezhdu-istoriej-i-religiej/> (дата обращения 26.03.2022).
6. Созидательный джихад // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 1979. — 22.04.2020. — URL: <https://iran1979.ru/sozidatelnyj-dzhixad/?ysclid=lty5xl9w47871520856> (дата обращения: 18.03.2024).
7. Юртаев В.И. Африка во внешней политике Ирана / В.И. Юртаев, А.К. Воронков // Африка: основания для нового старта : ЕЖЕГОДНИК. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2011. — 369 с.
8. Bagheri R. A Key Principle or a Key Partner? The Islamic Republic of Iran's Foreign Policy towards Africa // Journal of World Sociopolitical Studies. — 2021. — Vol. 5, №3. — С. 473-506. — URL: <https://doi.org/10.22059/wsps.2022.328449.1236>

9. Chimarizeni F. *Relações Irã-África: oportunidades e perspectivas para o Irã* // *Revista Brasileira de Estudos Africanos*. — 2017. — Vol. 2, № 3. — С. 38-52.
10. Heiback J. *Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles* // *Middle East Policy*. — 2020. — Vol. 27, № 2. — P. 69-80.
11. Is Iran “Retuning” Its Relations with the African Continent? // *Jerusalem Center for Public Affairs*. — 2023. — URL: <https://jcpa.org/is-iran-retuning-its-relations-with-the-african-continent/> (дата обращения: 19.03.2024).
12. Keynoush B. *Revolutionary Iran’s Africa policy*. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — 154 с.
13. Lefebvre Jeffrey A. *Iran’s Scramble for Sub-Saharan Africa* // *Insight Turkey*. — 2019. — Vol. 21, № 1. — URL: <https://www.insightturkey.com/article/irans-scramble-for-sub-saharan-africa> (дата обращения 24.03.2022).
14. Leichtman Mara A. *Revolution, modernity and (trans)national Shi’i Islam: rethinking religious conversion in Senegal* // *Journal of Religion in Africa*. — 2009. — 39(3). — С. 319-351.
15. McAnney A. *Iran in Africa* // *Center for Security Policy*. — 2014. — URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Iran-in-Africa.pdf> (дата обращения 24.03.2022).
16. Moghadam A. *Marriage of convenience: The evolution of Iran and al-Qa’ida’s tactical cooperation* // *Combating terrorism center at West Point*. — 2017. — Vol. 10, №4. — С. 12-19. — URL: <https://ctc.usma.edu/marriage-of-convenience-the-evolution-of-iran-and-al-qaidas-tactical-cooperation/> (дата обращения 20.03.2022).
17. Naeni A. *Iran and Africa: Why Tehran will boost its ties with the continent under the Raisi administration* // *Middle East Institute*. — 2021 — URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-and-africa-why-tehran-will-boost-its-ties-continent-under-raisi-administration> (дата обращения 08.03.2022).
18. Sadri S., Sarkhanov T. *Iran’s public diplomacy and religious soft power in Africa* / Sayyad Sadri // *Politics and religion journal*. — 2023. — 17(12). — С. 411-433. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN’S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (дата обращения: 19.03.2024).
19. Shahvar S. *Iran’s global reach: the Islamic Republic of Iran’s policy, involvement and activity in Africa* // *Digest of Middle East Studies*. — 2020. — №29. — С. 53-75. — URL: https://www.researchgate.net/publication/340178963_Iran%27s_global_reach_The_Islamic_Republic_of_Iran%27s_policy_involvement_and_activity_in_Africa (дата обращения 21.03.2024).

REFERENCES

1. Bagheri R. A Key Principle or a Key Partner? The Islamic Republic of Iran's Foreign Policy towards Africa // *Journal of World Sociopolitical Studies*. — 2021. — Vol. 5, №3. — P. 473-506. — URL: <https://doi.org/10.22059/wsps.2022.328449.1236>
2. Boguslavskij A. Najti svoyu nishu v Afrike: blizhnevostochnyj i aziatskij opyt [To Find Its Own Place in Africa^ Middle-East and Asian Experience] // RIAC. — 13.11.2017. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nayti-svoyu-nishu-v-afrike-blizhnevostochnyy-i-aziatskiy-opyt/> (accessed: 23.03.2022).
3. Bystrov A.A. O radikal'nyh islamistskih organizacijah YUAR [About Radical Islamist Groups of South Africa] // Institut Blizhnego Vostoka [Insititute for Middle East Studies]. — 17.12.2015. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=26928&ysclid=lty6yuidgr390691605> (accessed: 18.03.2024).
4. Chimarizeni F. Relações Irã-África: oportunidades e perspectivas para o Irã // *Revista Brasileira de Estudos Africanos*. — 2017. — Vol. 2, № 3. — P. 38-52.
5. Heiback J. Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles // *Middle East Policy*. — 2020. — Vol. 27, № 2. — P. 69-80.
6. Is Iran “Retuning” Its Relations with the African Continent? // Jerusalem Center for Public Affairs. — 2023. — URL: <https://jcpa.org/is-iran-retuning-its-relations-with-the-african-continent/> (accessed: 19.03.2024).
7. Islamskij ekstremizm i terrorizm [Islamic Extremism and Terrorism] // *Politicheskij atlas sovremennosti* [Contemporary Political Atlas]. — 2024. — URL: <https://www.hyno.ru/tom4/722.html?ysclid=lty79lbq1c293242766> (accessed: 18.03.2024).
8. Keynoush B. Revolutionary Iran's Africa policy. — Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies, 2021. — 154 p.
9. Lefebvre Jeffrey A. Iran's Scramble for Sub-Saharan Africa // *Insight Turkey*. — 2019. — Vol. 21, № 1. — URL: <https://www.insightturkey.com/article/irans-scramble-for-sub-saharan-africa> (accessed 24.03.2022).
10. Leichtman Mara A. Revolution, modernity and (trans)national Shi'i Islam: rethinking religious conversion in Senegal // *Journal of Religion in Africa*. — 2009. — 39(3). — P. 319-351.
11. McAnney A. Iran in Africa // Center for Security Policy. — 2014. — URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Iran-in-Africa.pdf> (accessed 24.03.2022).
12. Moghadam A. Marriage of convenience: The evolution of Iran and al-Qa'ida's tactical cooperation // Combating terrorism center at West Point. — 2017. — Vol. 10, №4. — P. 12-19. — URL: <https://ctc.usma.edu/marriage-of-convenience-the-evolution-of-iran-and-al-qaidas-tactical-cooperation/> (accessed 20.03.2022).

13. Naeni A. Iran and Africa: Why Tehran will boost its ties with the continent under the Raisi administration // Middle East Institute. — 2021 — URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-and-africa-why-tehran-will-boost-its-ties-continent-under-raisi-administration> (accessed 08.03.2022).
14. Polonskij I. Islamskaya revolyuciya v Irane. «Krasnyj sektor» [Islamic revolution in Iran. «Red Sector»] // Voennoe obozrenie [Military Review]. — 01.04.2015. — URL: <https://topwar.ru/72007-islamskaya-revolyuciya-v-irane-krasnyy-sektor.html> (accessed: 23.03.2022).
15. Sadri S., Sarkhanov T. Iran's public diplomacy and religious soft power in Africa / Sayyad Sadri // Politics and religion journal. — 2023. — 17(12). — P. 411-433. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375086259_IRAN'S_PUBLIC_DIPLOMACY_AND_RELIGIOUS_SOFT_POWER_IN_AFRICA (accessed: 19.03.2024).
16. Sanai M. Vneshnyaya politika Irana: mezhdue istoriej i religiej [Iran Foreign Policy: Between History and Religion] // Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. — 10.03.2006 — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-irana-mezhdue-istoriej-i-religiej/> (accessed 26.03.2022).
17. Shahvar S. Iran's global reach: the Islamic Republic of Iran's policy, involvement and activity in Africa // Digest of Middle East Studies. — 2020. — №29. — P. 53-75. — URL: https://www.researchgate.net/publication/340178963_Iran%27s_global_reach_The_Islamic_Republic_of_Iran%27s_policy_involvement_and_activity_in_Africa (accessed 21.03.2024).
18. Sozidatel'nyj dzhihad [Constructive Jihad] // Islamskaya revolyuciya. Vchera. Segodnya. Zavtra. 1979. [Islamoc Revolution. Yesterday. Today. Tomorrow. 1979] — 22.04.2020. — URL: <https://iran1979.ru/sozidatelnyj-dzhixad/?ysclid=lt y5xl9w47871520856> (accessed: 18.03.2024).
19. YUrtaev V.I. Afrika vo vneshnej politike Irana [Africa in Iranian Foreign Policy] / V.I. YUrtaev, A.K. Voronkov // Afrika: osnovaniya dlya novogo starta : EZHEGODNIK. [Africa: Foundations for a New Start : Yearbook] — Moskva : Rossijskij universitet druzhby narodov, 2011. — 369 p.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка Д.А. Хворова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 25 экз. Заказ ХХ

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
И множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193,
22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925,
06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Daria Khvorova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 25.

ISSN 2949-6381

9 772949 638002 >

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)